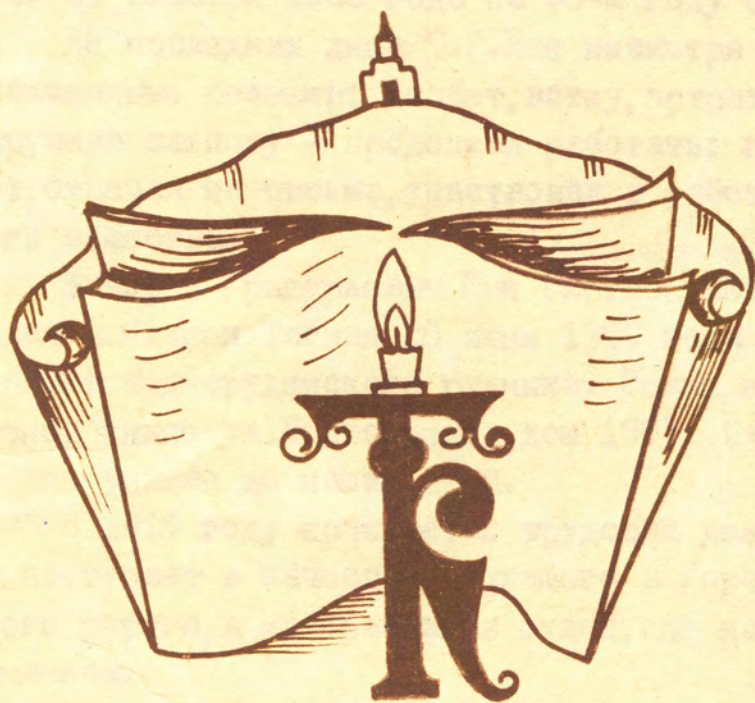


ТАГИЛЬСКИЙ КРАЕВЕД



№ 4
1989 год

Магильский
краевед

№ 4

1989 год

апрель – июнь



ФОТО Б.А.ШИЛОВ

Э.С.Ильин

ПАМЯТИ ТИМОФЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КИНА

Ушел из жизни старейший исследователь истории Октябрьской революции и гражданской войны на Урале кандидат военных наук, полковник в отставке Тимофей Григорьевич Кин. Это случилось 21 декабря 1988 года на 90-м году его жизни в Москве.

До последних дней Т.Г.Кин несмотря на мучавшие его многочисленные болезни: диабет, астму, артрит, склероз и прогрессирующую слепоту — продолжал работать: писал статьи для газет, отвечал на письма, участвовал в работе военно-исторического общества.

Тимофей Григорьевич Кин (Криворучкин — до 1921 года) родился в Нижнем Тагиле 20 июня 1899 года в семье рабочего-забойщика Меднорудянского рудника. Семья его жила по улице Извозной (ныне ул. Челюскинцев, дом 100). Их домик на три окошечка сохранился до наших дней.

В 1915 году начинается трудовая деятельность Т.Г.Кина. Он поступает в качестве служащего в Управление горно-заводского округа, в материальный отдел, где начальником был А.А.Постыляков.

Тимофей Григорьевич включается в общественную жизнь заводского поселка. Он участвует в работе общества "Народный дом", которое было организовано Нижнетагильской группой РСДРП. Здесь он знакомится с Александром Никифоровичем Губиным — председателем Нижнетагильского комитета РСДРП, с Дмитрием Николаевичем Добрыниным — председателем Второго общества потребителей в период 1916-1917 годов. Это была вторая, общественная должность революционера со стажем (с 1904 года) Д.Н.Добрынина. А первая, официальная должность — помощник заведующего коммерческим отделом в том же Управлении Нижнетагильского и Луньевского округов, где служил и Т.Г.Кин.

После Февральской революции группа членов РСДРП вышла из подполья и первое легальное собрание нижнетагильских социал-демократов проходило в рабочем театре по улице Нижняя Ераовка (этот дом не сохранился). Т.Г.Кин помогает А.А.Постылякову и Д.Н.Добрынину в организации этого собрания.

Особенно сильное впечатление на молодого Тимофея Григорьевича производит обаятельная личность Дмитрия Николаевича Добрынина, признанного энергичного вожака тагильских социал-демократов, ставшего в декабре 1917 года первым большевистским председателем Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Нижнем Тагиле.

События гражданской войны забросили Т.Г.Кина в составе 2-й бригады 54-й стрелковой дивизии в Казахстан, в район Семиречья. Здесь в 1920 году он вступает в ряды Коммунистической партии. Ведет большую работу по пропаганде и агитации среди местного населения в г.Верном (ныне Алма-Ата). В Намангане, куда затем перебросили 54-ю стрелковую дивизию, Т.Г.Кин редактирует местную городскую и уездную газеты. Одно время он совмещает службу в штабе бригады с партийной работой, являясь секретарем Ферганского горкома партии. Это объяснялось нехваткой подготовленных национальных кадров.

Находясь в Средней Азии, Тимофей Григорьевич в 1921-1922 годах учится на военном факультете Туркестанского госуниверситета.

К сожалению, сам Тимофей Григорьевич, будучи человеком скромным, старался никогда не рассказывать о себе. В своих многочисленных статьях он писал о людях, которых знал лично или о тех, о ком узнавал из архивных документов. Поэтому период его жизни и деятельности во время Великой Отечественной войны мне не известен.

После выхода в отставку в 1950-х годах Тимофей Григорьевич полностью посвящает себя ^{изучению} истории революции и гражданской войны на Урале. Результатом этой многолетней работы явилось опубликование ряда исследований.

В 1978 году выходит книга Т.Г.Кина в авторском содружестве с Г.П.Сафоновым и П.Г.Феофановым "Первый Рабоче-Крестьянский" — о боевом пути в 1918-1922 годах Первого Рабоче-Крестьянского полка. Много страниц этой книги посвящено описанию событий гражданской войны в районах Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Кушвы и Перми. Тираж книги был невелик, всего 11 тысяч экземпляров. Часть тиража была закуплена Нижнетагильским горкомом партии, и по инициативе тогдашнего первого секретаря Ю.В.Петрова этой книгой награждали ветеранов гражданской войны и передовиков производства в тот год, когда отмечалось 60-летие освобождения Урала от Колчака.

Долгие годы Тимофеем Григорьевичем соби́рал материалы об истории создания и боевом пути всех бронепоездов, использовавшихся 3-й армией Восточного фронта в 1918–1920 годах. Труд этот получил название "Броня революции". Газетный вариант был опубликован в четырнадцать номерах "Мотовилихинского рабочего" за 1984 год в Перми.

Кроме того, Тимофеем Григорьевичем написаны такие работы, как "Тагильские формирования Красной Армии в 1918 году"; "Тагильские рабочие в годы Октябрьской революции и гражданской войны".

Каждая из этих работ составляет 300–350 страниц машинописного текста, снабжена большим количеством фотографий, схем, карт.

Последние годы Т.Г.Кин работал над историей 2-й бригады 54-й стрелковой дивизии, участвовавшей в освобождении целинных земель бывшей Акмолинской, Семипалатинской областей и Семиречья. Им написано более 60-и статей, опубликованных в газетах: "Тагильский рабочий", "За победу", "Салдинский рабочий", "Кушвинский рабочий", "Шадринский рабочий" и других.

В своих работах Т.Г.Кин называл множество имен и фамилий участников великих революционных событий и не всегда победоносных боевых действий на фронтах гражданской войны.

Хочется остановиться лишь на двух наиболее важных положениях этих работ Т.Г.Кина на тагильские темы.

Первое – это установление точного числа тагильчан, вступивших в ряды Красной Армии в период гражданской войны. Дело в том, что П.П.Бажов в своей книге "Бойцы первого призыва", в очерке "Формирование на ходу" (а книга была выпущена в 1959 году) устами одного из героев утверждал, что Нижний Тагил, имея 50 тысяч населения, выставил всего две роты бойцов. Все последующие, даже научные публикации обходили молчанием этот вопрос.

Тимофеем Григорьевичем взят на себя труд доказать документально, что дело обстоит совсем не так, как это представлял П.П.Бажов. В результате долгих и кропотливых поисков в центральных военных и государственных архивах было установлено следующее:

"Общая численность сформированных частей, учтенная только по сохранившимся архивным документам, составляет 5638 человек, из них 2000 – добровольцы." "Из общего количества тагильских рот можно было бы сформировать 4 полка по 1400 человек в каждом".

(Кин Т.Г. "Тагильские формирования Красной Армии" в газете "Тагильский рабочий" за 23 марта 1962 года).

После опубликования этих данных, которые очень скоро вошли в литературный и научный оборот, прекратились все недомолвки и споры в отношении вклада Нижнего Тагила в победоносные итоги гражданской войны.

Второе положение. Долгое время не было ясности о дате установления Советской власти в Нижнем Тагиле. Так в книге А.Ослоповского и А.Орлова "Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале", изд. 1928 года, на стр. 28 сказано, что переход власти к Советам в нашем городе был осуществлен 29 января 1918 года. А в книге "Были горы Высокой", третье издание 1960г. на стр. 132 заявлялось, что "...в действительности временем установления Советской власти (в Нижнем Тагиле - Э.И.) следует считать 15 ноября 1917 года, т.е. дату собрания депутатов Совета, на котором выступали делегаты II-го съезда Советов тт. Носов и Семенов."

В 1960-м году Т.Г.Кин, работая в архивах Москвы, обнаружил в фондах Центрального Государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) документ, который неопровержимо вносил ясность в разрешение этого вопроса. Это было подлинное письмо Нижнетагильского Совета в адрес ВЦИК, где говорилось, что общее собрание Нижнетагильского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 29 декабря 1917 года признало, что вся власть в центре и на местах должна принадлежать Совету Народных Комиссаров, как единственному выразителю народной воли.

Об этом своем открытии Т.Г.Кин сообщил в статье "Так свидетельствуют документы", опубликованной в газете "Тагильский рабочий" за 11 января 1961 года.

Однако этим вопрос о дате установления Советской власти в Нижнем Тагиле не был снят. А.В.Бархатов, П.В.Ильин, И.П.Челышев, спустя пятнадцать лет, обрушились на Т.Г.Кина с нападками (см. "Тагильский рабочий" за 29 декабря 1976 года, статью "Как это было"), отстаивая свою версию установления Советской власти в Нижнем Тагиле - 15 ноября 1917 года, т.е. когда прибыли из Петрограда в Тагил делегаты II-го съезда Советов и сделали сообщение о свершившейся там Октябрьской революции.



Но в этот период в Нижнетагильском Совете еще продолжало сохраняться засилие меньшевиков, Совет еще не был большевистским так же, как и общественность Нижнего Тагила еще не была вся на стороне большевиков.

Положение в этом научном споре осложнялось еще и тем, что редакция газеты "Тагильский рабочий" во главе с ее редактором С. Быстровым также поддерживала позицию Бархатова, Ильина, Челышева.

Но постепенно научная оценка событий, данная Т. Г. Кином в отношении даты установления Советской власти в Нижнем Тагиле, возобладала. В сборнике исследований и документов "Победа Октябрьской социалистической революции на Урале" под редакцией доктора исторических наук профессора Ф. П. Быстрых, была названа дата 27 декабря 1917 года, которая и стала окончательно признанной.

Тимофей Григорьевич Кин первым из исследователей обратил внимание тагильчан на признание заслуг в деле

становления Советской власти в нашем городе, в деле борьбы с первыми контрреволюционными проявлениями в январе 1918 года Дмитрия Николаевича Добрынина, первого большевистского председателя Совета. Добрынин пробыл на этой должности недолго: с 29 декабря 1917 года до 18 января 1918г. Но это были самые тяжелые, самые революционные дни Нижнего Тагила, когда требовалось огромное мужество всего Совета и особенно его председателя в вопросах взятия власти, наведения порядка, организации работы всех предприятий и учреждений, в организации нормального снабжения города.

Об этих днях Т.Г.Кин подробно рассказал в своей статье "Первый большевистский председатель", опубликованной в трех номерах газеты "Тагильский рабочий" за 13, 14, 15 мая 1966 года. Затем были другие публикации других авторов на эту же тему, но это уже были только перепечатки и вариации. Первое доброе слово о Д.Н.Добрынине было сказано Кином.

И в последующем, после публикации 1966 года, Тимофей Григорьевич неоднократно обращался в историко-краеведческий музей, в редакцию газеты "Тагильский рабочий" в горком КПСС с предложениями об увековечении памяти Д.Н.Добрынина, как первого большевистского председателя Совета в Нижнем Тагиле.

Им предлагалось:

- Назвать одну из улиц в Нижнем Тагиле именем Д.Н.Добрынина;
- установить памятник на месте захоронения Д.Н.Добрынина и еще семнадцати бойцов, командиров и комиссаров на братской их могиле на бывшем кладбище "Малая Кушва";
- наконец, просто признать первенство Д.Н.Добрынина в установлении Советской власти в нашем городе и отразить это соответствующим образом в экспозиции историко-краеведческого музея.

Городские власти остались глухи к призывам нашего земляка, исследователя истории установления Советской власти в нашем городе.

Ничего, что предлагалось Кином, не было сделано, и Тимофей Григорьевич до конца своих дней считал этот свой долг перед памятью Д.Н.Добрынина не выполненным.

Заканчивая свои заметки о Тимофее Григорьевиче Кине, хотелось бы еще сказать, что его отличало от других исследователей бережное отношение к историческому факту, отсутствие каких-бы то ни было конъюнктурных соображений в раскрытии материала. Тимофей Григорьевич с первых своих публикаций и до последних дней всегда и везде стоял за правду в исторической науке, из-за чего часто наживал себе врагов. Поэтому, вероятно, не все его работы увидели свет.

Тагильские краеведы сохраняют добрую память о Тимофее Григорьевиче Кине.

х

х

х

По завещанию Т.Г.Кина весь его архив, рукописи и машинописные неопубликованные работы переданы на хранение его женой Ниной Альфредовной в музей-заповедник г.Нижнего Тагила.

Коротко об авторе.

ИЛЬИН ЭДУАРД СЕРГЕЕВИЧ.

Ильин Э.С. родился в Нижнем Тагиле в 1933 году в семье школьного учителя.

В 1952 году закончил Нижнетагильский горно-металлургический техникум, в 1965 году - Уральский политехнический институт по специальности инженер-электромеханик.

В настоящее время работает на Высокогорском железноруднике.

Краеведением занимается с 1970-х годов.

Публиковался в газете "Тагильский рабочий". Неоднократно был победителем конкурсов на краеведческие темы, объявленных газетой.

Огнетова Марина Борисовна, архивист.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАДИОВЕЩАНИЯ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

В 20-е годы неудержимая волна радиолюбительства начинает захватывать широкие массы трудящихся в Нижнетагильском округе. Образуются радиолюбительские кружки, в некоторых организациях уже имеются значительные ассигнования на приобретение аппаратуры для радиоустановок. В целях помощи радиолюбителям и объединения по округу в июне 1925г. в Нижнем Тагиле было создано окружное бюро содействия радиолюбительству при Нижнетагильском окружном бюро профсоюзов Уральской области) (ф.228-р, оп.1, д.15, л.363 об.).

Задачи бюро:

1. Организация опытно-показательной радиоустановки в г.Нижнем Тагиле с последующим созданием из опытного приемника маленькой отправительной станции. (ф.228-р, оп.1, д.15, л.364).
2. Выявление средств на радиостроительство.
3. Подготовка курсов-семинаров по радиолюбительству для создания радиолюбительского ядра в Нижнем Тагиле.

При поддержке бюро осенью 1925г. был организован кружок радиолюбителей при клубе "Металлист" Нижнетагильского завода имени В.В.Куйбышева. (ф.228-р, оп.1, д.15, л.363).

В 1928г. в Нижнем Тагиле были оборудованы две трансляционные станции: одна при окрпрофбюро и другая при клубе "Металлист". Станции транслировали передачи из Москвы, Ленинграда.

В первую очередь линия радиопередач была проведена на окраины города.

Весной 1928г. клуб "Металлист" провел первую линию радиопередач на окраины, охватив Вью. Окрпрофбюро занялось проводкой линии на Гальянку. ("Рабочий" №86, 11 апреля 1928г.)

В марте 1928г. в красном уголке Высокогорского поселка был установлен радиоприемник с громкоговорителем. ("Рабочий" №64, 16 марта 1928г.)

В пятницу, 13 апреля 1928г., в 7 часов вечера, был передан первый номер тагильской радио-газеты. Плохая слышимость передачи и полное ее отсутствие были в единичных случаях. ("Рабочий" №88, 13 апреля 1928г.). Первая передача местной радио-газеты удалась. Это подтверждается отзывами, присланными в газету. Вот один из них: "Местную радио-газету было интереснее слушать, чем московскую. Там нет сообщений о Тагиле, к тому же слышимость московской радио-газеты бывает... неважная." ("Рабочий" №90, 18 апреля 1928г.)

Пожелания радиослушателей были таковы: больше местного материала о производстве и быте рабочих, больше музыкальных номеров. ("Рабочий" №90, 18 апреля 1928г., №111, 15 мая 1928г.)

К маю 1928г. радиостанция окрпрофбюро имела 204 радиоустановки, из них лишь 48 было проведено на квартиры рабочих. ("Рабочий" №86, 11 апреля 1928г.)

После присоединения радиоприцепок от клуба "Металлист", общее число радиоточек к сентябрю 1928г. равнялось 420. ("Рабочий" №216, 16 сентября 1928г.)

Все больше заявок поступало от населения города на установку радио в квартирах. Однако всех желающих удовлетворить было очень трудно. Главным образом, из-за непригодности радиостанции к большой нагрузке.

Тагильская радиостанция затерялась среди серых домов, высоко ваметнув радиомачту, от которой была натянута антенна, - ухо станции, другой конец антенны тянулся к куполу на колокольне собора. Во дворе дома №10 по улице Шамина (К.Маркса) была маленькая надпись: "Радиостанция". ("Рабочий" №276, 28 ноября 1928г., №289, 13 декабря 1928г.)

Не верится, что здесь на голубятне может ютиться станция с таким громким названием и сложной аппаратурой. На чердаке в низких и душных комнатухах стояла масса радиоприборов. Комната радиостудии в 8 кубических метров, где находились стол с микрофоном, скамейка с зеркалом, ситцевая ширма, являлась одновременно и спальней заведующего радиостанцией Большон Отто Павловича, члена ВКП(б) с 1924г. (ф.21-р, оп.1, д.1128, л.2). Только благодаря любви Большона к своему делу и работала тагильская радиостанция.

9 декабря 1928г. в помещении горсовета состоялось первое совещание радиолюбителей по вопросам радиофикации в Тагиле. ("Рабочий" №287, 11 декабря 1928г.)

Был выдвинут конкретный лозунг: в будущем году Тагил должен иметь 10 тысяч радиоприцепок. ("Рабочий" №280, 2 декабря 1928г., №290, 14 декабря 1928г.)

Вопрос о расширении станции был решен на совещании положительно. Однако необходимые для этого средства, минимум 13700 рублей, не были предоставлены. ("Рабочий" №289, 12 декабря 1928г.)

В январе 1929г. тагильская станция имела 500 абонентов, большинство из них были служащие, лишь 29% приходилось на рабочие квартиры. Радиопередачи велись с шести часов вечера до двух часов ночи. Обслуживали радиостанцию Большон Отто Павлович и Гаев Сергей Иванович. (ф.21-р, оп.1, д.1128, л.1-2).

С.Я. Черных

ПАМЯТНАЯ ФОТОГРАФИЯ

В конце 1948 года нас, троих членов Нижнетагильской литгруппы – Сергея Копяева, Клавдию Ильину и меня, послали на первый послевоенный сбор начинающих литераторов области. Ехали до Свердловска чуть ли не всю ночь – с такой скоростью в то время ходили поезда. И появились на улице Пушкина, в отделении Союза писателей, спозаранку, пожалуй, самые первые. Никого из руководства Союза еще там не было. Дождались прихода секретарши. И кто-то предложил позвонить Бажову: что нам делать, куда деваться? Эту роль возложили на меня. И вот звоню по сообщенному секретаршей телефону. Слышу негромкий добрый голос. Поинтересовавшись, откуда мы приехали, тут же посоветовал поехать на ВИЗ в такое-то общежитие, где для нас уготовано место. И мы тотчас отправились, отдохнули с дороги, даже подремали. И обратно в Союз писателей, где разошлись по семинарам поэзии и прозы.

В перерыв я впервые близко увидел Павла Петровича Бажова. Невысокий, с редкой седой бородой, он неторопливо расхаживал по залу с потухшей трубкой в руке в сопровождении свердловских писателей, кажется, Ликстанова и Боголюбова и еще кого-то из приезжих. Голос у Бажова глуховатый, взгляд как бы исподлобья. О чем он говорил, я расслышать не мог.

В следующий перерыв фотокорреспондент И.Н. Тюфяков, поговорив с Бажовым, позвал нас, приезжих, сфотографироваться вместе с прославленным писателем. Мы были все рады такому предложению и моментально окружили стол, за которым в это время задумчиво сидел Павел Петрович. Эту фотокарточку я берегу до сих пор как дорогую реликвию о тех давно прошедших днях.

И все же мне довелось после окончания поэтического семинара немного послушать мягкий голос Бажова. В общем зале за большим столом сидел Павел Петрович, а вокруг него

десятка полтора начинающих авторов. Я, прервав разговор о стихах с Ефимом Ружанским, ринулся от окна к столу и тоже втиснулся в этот круг. Шла беседа о творчестве сказителя и вообще — что такое сказ.

— Это не сказка, — говорил Павел Петрович, — хотя в чем-то и напоминает ее. И Думная гора — не выдумка. Такая гора, не какой-то там могучий горный кряж, а именно гора, горка, действительно существует в Полевском. Там мальчишкой, на этой самой горе, у сторожевой будки, я наслушался всяких историй от деда Хмелинина. Все эти истории и были сказами, литературным осмысливанием которых я и занялся впоследствии. Да вы все ходите по сказам — надо только глубже смотреть.

Так или примерно так говорил с нами Бажов. Через два года его не стало. Умер в Москве, куда уехал как депутат на сессию Верховного Совета. Тело покойного доставили в Свердловск и предали родной земле 10 декабря 1950 года.



П. П. Бажов среди молодых писателей.

В первом ряду слева К. Ильина, за ней во втором ряду Н. Толмачёва. В центре второго ряда С. Черных, крайний ^{справа} слева С. Копаев.

С.В.Ганьжа,

внештатный корреспондент газеты "Тагильский рабочий",
член ученого совета музея-заповедника

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИСТИФИКАЦИИ ИЛИ КАК СОЗДАВАЛАСЬ ЛЕГЕНДА ОБ АРТАМОНОВЕ

В статье "Отличима ли истина от лжи" академик А.Мигдал пишет, что "ежедневно на головы не сведущих в естественных науках людей обрушивается поток непроверенных фактов и слухов - верить в сверхестественное стало модой и таким признаком утонченности..."

Рассуждая о научных методах познания, ученый считает, что "верхоглядство и догматизм - это две грани лженауки, которая всегда преследовала науку... Верхогляды, по его мнению, строят свои концепции, не считаясь с фактами и соотношениями, основываясь на непроверенных догадках. Догматики абсолютизируют представления сегодняшнего дня... И продолжает: "У лженауки есть устойчивые, почти неперменные черты. Одна из них - нетерпимость к опровергающим доводам... Далее, почти без исключения - невежество и антипрофессионализм, очевидные любому серьезному специалисту. И, наконец, агрессивность..."

Яркую иллюстрацию к этим раздумьям академика представляет собой история создания биографии тагильского мастера-вого Ефима Михеевича Артамонова, которому длительное время приписывался приоритет в изобретении "первого в мире" двухколесного педального велосипеда. Случилось так, что в середине семидесятых годов этой биографией заинтересовался московский ученый, доктор технических наук, лауреат Ленинской премии Григорий Николаевич Лист, который безуспешно пытался найти прямые доказательства в виде архивных документов, мемуаров и т.п. в целях подтверждения приоритета Артамонова. Будучи ревностным поборником истины в истории техники, Лист изучил многочисленные публикации о велосипеде Артамо-

нова и в результате их анализа пришел к выводу о бездоказательности артамоновской историографии.

Все свои замечания, предложения и выводы он изложил в справке, подлинник которой ныне хранится в научном архиве Нижнетагильского музея-заповедника.

А в №1 журнала "Вопросы истории естествознания и техники" за 1983 год появилась статья "О велосипеде Артамонова", которая по существу является развитием точки зрения Г.Н.Листа на "артамоновский вопрос". Ее авторы научные сотрудники Московского Политехнического музея Л.Е.Майстров и Н.Л.Вилинова сообщили, что "в их распоряжении не имеется никаких других документальных подтверждений ни о личности Артамонова, ни о его изобретении, кроме ссылки Данилевского на картотеку Черданцева, и что вся литература о велосипеде Артамонова бездоказательна и показывает, насколько опасны для истории науки и техники поспешные выводы, не подкрепленные документами и изучением сохранившихся памятников, как они мешают научным исследованиям, как они вводят в заблуждение, нанося этим несомненный вред".

На статью откликнулся журнал "Наука и жизнь" (№6 за 1983 год). Соглашаясь с выводами Майстрова и Вилиновой, в заметке "Легенда о велосипеде" журнал привел такие строки: "Вспомним патент Нормана Дина на механическую машинку, поднимавшуюся под действием эксцентриковых грузов, или Крякутного, надувшего "фурвин дымом поганым и вонючим" и якобы поднявшегося в воздух в первой трети XVIII века... Но до сих пор, основываясь на старых публикациях, нет-нет да и запустит в печать кто-нибудь пресловутый "фурвин"...

В связи с этой критикой могут спросить, как и когда возникла артамоновская историография?

Известно, что начало ей положил В.Д.Белов, кандидат прав, уральский историк, который в 1896 году в "Историческом очерке уральских горных заводов" без ссылки на источники написал вот такую строчку: "Во время коронавания императора Павла 1, следовательно в 1801 году, мастеровой уральских заводов Артамонов бегал на изобретенном им велосипеде, за что по повелению императора получил свободу со всем своим потомством."

Историк и географ И.Я.Кривошеков в 1910 году эту строку об Артамонове включил в свой "Словарь Верхотурского уезда", исправив имя императора, поскольку в 1801 году короновался не Павел 1, а его сын Александр. Павел 1 короновался 5 апреля 1797 года. Кривошеков прямо ссылается на очерк Белова, однако не делает пояснения в отношении исправления имени императора. В "Словаре" Кривошеков дважды упоминает Артамонова: "Так в 1801 году при коронации Александра 1 уральский мастеровой Артамонов, демонстрировавший изобретенный им велосипед, есть тип чистого кустаря-изобретателя, своим умом сконструировавшего машину и своими руками ее осуществившего..." И еще о нем же продолжает: "Уже Артамонов, опередивший своим изобретением современный велосипед, служит показателем силы народного ума и находчивости; знания и опытность, приобретенные рядом поколений на заводских работах, зарождались в населении частью по доброй воле, частью и вынужденно, стремлением к производству и обработке металлического сырья в изделия."

В 1969 году журналист из города Ростова В.Попов сообщил, что в дореволюционном журнале "Нива" (год не указан) будто бы публиковалась заметка о некоем Василии Артамонове, совершившем на своем велосипеде путешествие из Верхотурья в Москву и заезжавшем летом 1799 года в Ростов.

Шли годы, десятилетия. Артамоновская история как будто была забыта. О ней вдруг вспомнила в 1940 году Б.Федорова, которая в книге "Крепостной Тагил" в подстрочном пояснении к рассказу о тагильском механике Е.Г.Кузнецове (Жепинском) написала: "В год окончания Жепинским дрожек другим уральским слесарем Артамоновым был изобретен самокат (велосипед), на котором изобретатель доехал до Москвы."

Это произошло более чем за 30 лет до появления первых велосипедов в Европе. Достоверных сведений об Артамонове пока мало. Известно, что в 1801 году во время коронации Александра 1 Артамонов был в Москве."

В 1947 году появляется книга академика СССР В.В.Данилевского "Русская техника", в которой несколько строк посвящено и Артамонову, сообщается, что об Артамонове "сохранились рассказы, как он приехал с Урала в Москву." В 1950-1951 годах Большая Советская Энциклопедия подтверждает

приоритет Артамонова и приписывает ему изготовление еще нескольких велосипедов. Отметим как характерный штрих то, что в сороковые годы Артамонов был в литературе без имени и отчества, а также дат рождения и смерти. В 1954 году в биографическом справочнике свердловского профессора, доктора исторических наук А.Г.Козлова "Творцы техники на Урале" появляется запись об Артамонове с указанием его инициалов - Е.М. и соответствующие даты - 1776-1841.

В пятидесятые-шестидесятые годы наибольшей полнотой и разнообразием сведений об Артамонове отличаются публикации Александра Кузьмича Шарца, краеведа из города Перми. Приводимые им факты, на первый взгляд, подкупают кажущейся правдоподобностью, они как будто взяты из конкретных архивных дел. В одной из публикаций Шарц уточняет, что на коронации в 1801 году Артамонову "пожаловали", кроме вольной, еще и 25 рублей. Этот краевед характеризует Ефима Артамонова и его отца Михея как специалистов по строительству барж, о которых "шла слава по всем Чусовским и камским плесам". По данным Шарца, Ефим Артамонов был умельцем по налаживанию насосов на баржах с применением водяной и ветряной мельниц. В 1830 году будто бы изобрел "коляску-самоход", прототип автомобиля, только с паровым двигателем.

Немало строк отведено Артамонову и в книге С.Охлябинина "Давай изобретем велосипед" (1981г.издательство "Молодая Гвардия") и переизданной в 1987 году под заголовком "Легенды и были об экомобиле".

Активным популяризатором деятельности Артамонова явился свердловский краевед Василий Николаевич Синцов, хотя его многочисленные заметки полностью носят компилятивный характер и ничего нового не дают.

Пишущий эти строки в течение ряда лет принимал деятельное участие в работе по выявлению материалов об Артамонове и его велосипеде. Просмотрена масса документов, касающихся переписки Нижнетагильского заводоуправления конца XVIII - начала XIX веков, многие дореволюционные газеты и журналы об изобретателях, энциклопедические словари и справочники. Проведен анализ накопленной об Артамонове литературы. Пришлось сделать вывод о том, что биография Артамонова создана силой воображения, на догадках и предположениях и не имеет документального подтверждения. Она полна проти-

воречиями, грубым вымыслом и даже обманом и рассчитана на неискушенного в вопросах истории читателя. Чтобы не быть голословным, прокомментируем отдельные факты из этой истории и покажем полную их несостоятельность.

Как известно, уже в самом сообщении В.Д.Белова об Артамонове допущено искажение такого широко известного исторического факта, как коронавание 1801 года, перепутаны имена императоров — это ли не пример верхоглядства, о котором пишет академик Мигдал! Этой путаницей Белов как будто благословил своих последователей в развитии артамоновской истории. И если Белов является творцом легенды об Артамонове, то инициатива дальнейшего развития ее принадлежит Кривошекову, попытавшемуся добавить к образу изобретателя такие штрихи, которые позволяют судить о нем, как о человеке недюжинных способностей, сумевшем "своим умом" создать оригинальную машину, да еще и опередить в этом вопросе изобретателей Запада. Явно следуя за размышлениями Кривошекова, Б.Федорова добавляет, что Артамонов "приехал с Урала в Москву" и что все это произошло "более чем за 30 лет до появления первых велосипедов в Европе".

В.В.Данилевский повторяет мысль Кривошекова об опережении Артамоновым западноевропейских изобретателей велосипеда и раздвигает рамки его биографии сообщением о том, что тот был крепостным из Нижнего Тагила. Впервые дается ссылка на картотеку №35 краеведа А.А.Черданцева как на источник сведений. Составитель картотеки и автор статьи "Велосипед" для БСЭ 1951 года приписывают Артамонову изготовление им нескольких машин, ссылаясь на книгу Данилевского "Русская техника", тогда как в ней этих данных нет и в помине. Данилевский относит Артамонова к Нижнему Тагилу, а профессор А.Г.Козлов считает его крепостным из Верхотурья, но работавшим на Нижнетагильском заводе.

А.К.Шарц утверждает, что Артамонов "был крепостной Пожевского завода." В БСЭ издания 1950 года говорится, что Артамонов совершил "успешно пробег в трудных зимних условиях" из Верхотурья, а Шарц указывает, что изобретатель выехал в столицу из Нижнего Тагила не зимой, а 9 мая, 13 мая был уже в Перми, преодолев расстояние в 560 километров.

Думается, что проехать это расстояние на "костотрясе", развивавшем скорость всего лишь 10-12 километров в час, за такое время невозможно. Простой арифметический подсчет показывает, что на "артамоновском" велосипеде от Тагила до Перми при идеальных дорожных условиях (асфальт) можно доехать в целом за 43 часов, а это значит, что в течение каждого из четырех дней путешествия велосипедист должен был находиться в непрерывном движении десять-одиннадцать часов без учета необходимых остановок. Следует учитывать и распутицу, которая в это время года на Среднем Урале явление обычное. Сообщение Шарца о том, что Артамонов вернулся на Урал свободным человеком, нужно рассматривать как надуманное, т.к. процесс освобождения крестьян, т.е. документальное оформление, проходил длительное время, даже если освобождал император, в чем нас убеждает история освобождения семьи тагильского механика Е.Г. Кузнецова.

А вот С. Охлябинин на страницах своей книги уверяет читателей в том, что Артамонов не только не вернулся свободным человеком, но был "обвинен в неразумной трате дерева и железа" и сослан в ссылку. "По другим сведениям (опять же туманным и неясным), - сообщает Охлябинин, - заводские приказчики, вынужденные с изобретателя за самовольную отлучку, распорядились "онный самокат уничтожить, а самого Артамонова кнутами бить..." И тут же сам себе противоречит следующим утверждением: "Гораздо больше повезло первому велосипеду, который, несмотря на все приказы и пролетевшие 180 лет, сохранился до наших дней. Этим мы в немалой степени обязаны хозяину уральских заводов Демидову, распорядившемуся диковинное артамоновское изобретение поместить в "музей естественной истории и древностей," созданном в Нижнем Тагиле. Там прадедушка современного велосипеда благополучно сохраняется до сих пор..." Вымысел о "прадедушке современного велосипеда" можно объяснить лишь силой творческого воображения и незнанием истории. Дело в том, что поместить велосипед в "музей" мог приказать Н.Н. Демидов, который предположительно дал свободу Артамонову, поскольку при этом заводчик происходили описываемые события. Однако Николай Никитич не мог дать такого распоряжения, так как умер в 1828 году, а "музей" был создан в Нижнем Тагиле в 1840 году. Кстати, вопрос об атрибуции "прадедушки" длительное время был спорным и невыясненным. Впервые в подлинности

этого велосипеда усомнился в 1948 году В.В.Данилевский, указавший на него, как на поделку не 1800 года, а более позднего периода.

"...Самокат явно не артамоновский, потому что в нем сочетались признаки нескольких позднейших конструкций. И не "черепановской работы", — груб и тяжел. Вероятнее всего, местное любительское изделие конца 70-х годов", — так писал в 1949 году о тагильском велосипеде А.Бармин в своей книге "Тагильские мастера". В предположении о любительских поделках велосипедов в Нижнем Тагиле в конце 70-х годов писатель не ошибся: в 1884 году тагильский кузнец С.З.Зеленин построил такой велосипед, который и отличался от "артамоновского" всего лишь размерами руля да ободами колес, сделанными из круглых прутков. И все же эта загадка в конце концов была раскрыта. По предложению Г.Н.Листа научные сотрудники музея С.А.Илат и Т.В.Комшилова добились проведения металлографической экспертизы кусочка металла, из которого был сделан велосипед. Результаты анализа позволили этим исследователям сделать вывод о том, что "артамоновский велосипед" является моделью, сделанной никак не ранее 70-х годов XIX века и поэтому связи с артамоновским изобретением не имеет. Таким образом вымысел этой части биографии Артамонова научно доказан.

Однако вернемся к рассмотрению объяснений Шарца об источниках сведений, которые он приводил в своих многочисленных публикациях об Артамонове. Однажды в частном письме Г.Н.Листу Анатолий Григорьевич Козлов жаловался: "Основное разнообразие об Артамонове внес своими статьями А.Шарц... Он упорно отказывается указывать источники своих сведений..." Значит, Козлов обращался к Шарцу в отношении источников по историографии Артамонова и получал отказы? И логичен ли как исследователь Шарц, скрывая эти источники от науки и периодических изданий, которые, к сожалению, в свое время не проявили должной принципиальности и не потребовали от пермского краеведа документального подтверждения сочинений об Артамонове. Настойчивость Нижнетагильского музея краеведения в проведении работы по документации деятельности Артамонова была вознаграждена в 1969 году вот таким сообщением Шарца: "После моих выступлений в печати о жизни и деятельности Ефима Михеевича Артамонова мне стали поступать запросы об источниках биографических данных.

Сообщаю, что в делах Свердловского литературного музея хранилось дело №37 на Артамонова... Из указанного дела, где была копия донесения пермского губернатора Модераха, я сделал подробные выписки, которые легли в основу моих публикаций..." Если верить Шарцу, то копия донесения Модераха была единственным документом, в котором изложены все факты его жизни, деятельности и даже о могиле изобретателя на Суксунском кладбище? В деле могли быть и другие документы, но о них Шарц не пишет. Спустя пять лет об этом он сообщит директору Московского Политехнического музея Г.П.Козлову и укажет источники, которые якобы хранились в деле:

"1. Рапорт К.Ф.Модераха... о передвижении самокатчика Ефима Михеева сына Артамонова по Пермской губернии.

2. Сообщение Н.С.Попова (1763-1834), географа Урала, о его встрече с Артамоновым во время его возвращения из Петербурга.

3. Письмо И.Я.Кривошекова (1854-1916), географа-краеведа, к А.А.Черданцеву. В этом письме Кривошеков пишет, что Артамонова он отнес к Верхотурью потому, что Нижний Тагил по географическому делению относился к Верхотурскому уезду Пермской губернии. В этом же письме Кривошеков пишет, что ему удалось только в 1914 году узнать, что Артамонов умер и похоронен в Суксуне. На могиле Артамонова стоит деревянный крест из лиственницы и имеются хорошо сохранившиеся даты: 1776-1800-1841 и рисунок человека на самокате.

4. Письмо О.Д.Форш, известной советской писательницы, к А.А.Черданцеву, что имя Артамонову "Иван Петрович" она дала произвольно.

Первые два источника из этого письма Шарца могли бы послужить документальными доказательствами в пользу версии об Артамонове и его велосипеде, но ведь этих документов нет, они существуют лишь в рассказе Шарца. Ну, а вторые два источника: письма И.Я.Кривошекова и О.Д.Форш - следует рассматривать как вымысел Шарца.

И.Я.Кривошеков не мог давать пояснения Черданцеву о том, что отнес Артамонова к Верхотурью, поскольку в своем "Словаре" пишет об изобретателе только как о "мастеровом уральских заводов," т.е. в соответствии с текстом В.Д.Белова. Не могло быть и объяснения Ольги Дмитриевны Форш с А.А.Черданцевым

по поводу присвоения ему Артамонову имени и отчества "Иван Петрович" в ее романе "Михайловский замок". Если обратиться к истории создания этого романа, то увидим, что к работе над этим произведением О.Д.Форш приступила в 1944 году, т.е. уже год спустя после смерти А.А.Черданцева, а сам роман вышел в свет в 1946 году! А в наш музей Шарц писал, что по поводу изменения имени и отчества Артамонова он объяснялся с М.С.Шагинян, которой приписывал авторство "Михайловского замка" (?!). О противоречивости сообщений Шарца в письме Г.Н.Листу говорит и член-корреспондент АН УССР А.Н.Боголюбов: "А.Г.Козлов и А.К.Шарц дают совершенно путанные и противоречивые показания, ссылаясь на картотеку Черданцева. Впрочем, ничего существенного они не сообщают (не хотят или не могут, ибо выдумка имеет свои пределы, за коими следует поимка)".

Не иначе как выдумкой следует считать и сообщения Шарца о могиле Артамонова на Суксунском кладбище. В 1974 году Александр Кузьмич писал Г.П.Козлову, что не мог найти могилы Артамонова, а вот Нижнетагильскому музею по тому же поводу в ноябре 1982 года сообщил: "В 1925 году, посетив первый раз Суксун, я искал следы Суксунского эрмитажа и был вместе с искусствоведом Н.Н.Серебренниковым, мы нашли на суксунском кладбище могилу, на которой стоял крест из дерева..." А в 1982 году свердловчанином В.Н.Синцовым в "Тагильском рабочем" был запущен еще один "фурвин", вещавший о том, что Артамонов в 1841 году похоронен в Суксуне, о чем данные будто бы взяты в архиве. На вопрос, где, когда и в каком именно архиве отыскились документы о смерти Артамонова, Синцов ответил мне, что в последнее время выдвинута новая версия, по которой изобретателем "первого в мире" велосипеда мог быть тагильский слесарь Артамон Кузнецов. А раз так, то Синцов считает, что "о фамилии Е. Артамонов или А.Кузнецов надо еще разгадывать. А.Г.Козлов, председатель секции истории науки и техники... - продолжает Синцов, - пока только предполагает. Ведь имя Артамонова указывается знатоками прошлого Урала и спортсменами, доказывающими приоритет нашей Родины в велоспорте. Даже в Верхотурье... мне показывали людей, от которых будто бы происходит Артамонов. Загадка, надо доказывать истину."

Неужели Синцов не понимает, что призывом "доказывать истину" он ставит под сомнение свое же утверждение о смерти Артамонова в Суксуне, да еще "подтвержденной архивными документами", которых, как выясняется, он в глаза не видел. И разве не являются рассуждения Синцова о приоритете Артамонова с апелляцией к спортсменам подтверждением выводов академика Мигдала об антипрофессионализме и невежестве апологетов лженауки? Так что информация Шарца и Синцова о могиле Артамонова в Суксуне – это своего рода похороны поручика Киче: когда несут пустой гроб, а Павел 1 говорит: "От меня уходят лучшие люди." (По Тынянову).

После опубликования статьи "О велосипеде Артамонова" наш музей в категоричной форме потребовал от Шарца сообщить источники сведений и места их хранения. Вот какой ответ мы получили в конце ноября 1982 года от пермского краеведа: "Мои публикации, – извещал Шарц, – только и основываются на уже опубликованные источники".(?!). И еще приложил копию письма в редакцию "Уральского рабочего", в котором указал следующие источники:

- 1) Нижегородский статистический сборник, Нижний, 1847г.
- 2) Памятная книжка для русских горных людей. СПб, 1862.
- 3) Пермские губернские ведомости, 1871, №47.
- 4) Овсянников. Вотчинное хозяйство на Урале. Калуга, 1883.
- 5) Киселевская. Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. 1932 год. И еще ряд источников, которые не представляют и малейшего интереса для документации биографии Артамонова. А при проверке вышеуказанных 5 источников пришлось еще раз убедиться в непорядочности Шарца, поскольку в этих его "источниках" не нашлось даже одного слова ни об Артамонове, ни о велосипеде вообще!

Но ведь были ссылки В.В.Данилевского, А.Г.Козлова и того же Шарца на картотеку №35, принадлежавшую А.А.Черданцеву и хранившуюся в Свердловском литературном музее, а потом в краеведческом музее.

В артамоновской историографии картотека №35 занимает особое место, ее история носит почти детективный характер. Занимаясь поиском доказательств приоритета Артамонова, Г.Н.Лист выяснил, что картотека неизвестно когда и при каких обстоятельствах исчезла как из литературного, так и краеведческого музеев города Свердловска. Этот ученый установил,

что с картотекой в разное время работали Данилевский, Козлов и Шарц. На вопросы Листа о картотеке Шарц дал в январе 1976 года следующие пояснения: "У Черданцева была не картотека, а собрание материалов на замечательных людей Урала. Он собирал материалы для "Уральского биографического словаря." Часть материалов А.А.Черданцев передал мне еще при жизни, они сосредоточены в Пермском Госархиве, фонд 790... В конверте №35 было значительное количество документов, я запомнил некоторые, они дали мне возможность писать об Артамонове... Мною назван конверт №37 ошибочно..."

Обратим внимание на другое пояснение Шарца в отношении картотеки, которое он дал Г.П.Козлову: "В конверте №37 хранились разрозненные бумаги на изобретателя первого в мире велосипеда Артамонова... Работая в Свердловске заведующим облоно..., я поручил сотрудникам литературного музея снять мне копии с некоторых бумаг... Куда девался архив из литмузея, сказать не могу, - пишет Шарц и затем наводит на мысль о непричастности его к пропаже черданцевских материалов. - Для меня ясно одно, что А.Г.Козлов, ныне доктор исторических наук, профессор, был знаком с этим архивом. Возможно, что В.В.Данилевский, после войны бывая в Свердловске, увез архив А.А.Черданцева..." Ниже увидим, что эти объяснения Шарц давал, возможно, в силу стремления скрыть истинные обстоятельства пропажи картотеки. Видимо, ради низменных побуждений Шарц высказывал против В.В.Данилевского серьезное, но необоснованное подозрение, которое усилил в письме Листу вот таким пояснением: "Я, может быть, грешу, но думаю, что не "прибрал ли" эти материалы В.В.Данилевский? Он был моим научным руководителем, но в отношении архивных материалов был не совсем аккуратным, ограничусь пока этим словом..."

Звучит как-то странно - "ограничусь пока этим словом," а что же еще более важное хотел сообщить, ведь высказал самое страшное - подозрение в воровстве, которое будто бы совершил Данилевский. И уж если такое подозрение высказано, то нам важно бы знать, что собой представляла картотека или собрание материалов А.А.Черданцева. Об Александре Алексеевиче Черданцеве уральский писатель Ю.М.Курочкин писал, что он принадлежал к категории тех людей, которые "преданно и самоотверженно служат истории, собирая по крохам то, что может безвозвратно утратиться, но без чего история никогда не будет

полной. В течение многих лет, — отмечает Юрий Михайлович, — Черданцев настойчиво и неустанно собирал материалы о всех чем-нибудь примечательных людях Урала... И собрал он так за несколько десятилетий материалы о чуть ли не двух тысячах уральцев, память о которых следовало бы сохранить для потомства..."

Да, следовало бы! Но удалось ли это сделать, сомнительно, т.к. сам Черданцев, к сожалению, не лучшим образом распорядился насчет своего архива — часть продал музею, часть сдал в архив, а часть передал Шарцу. А это привело и к разобщению материалов, и к утрате, кто знает, какого количества документов.

Вопрос о содержании и существовании "картотеки" или части архива Черданцева так и оставался бы невыясненным, да помог случай. В декабре 1983 года сотрудница Свердловского областного историко-революционного музея Л.И. Зорина в фонде фотоматериалов обнаружила пакет с негативами, на котором было написано: "Список документов о знаменитых людях Урала, переданных Шарцу." (?)

Впрочем, дадим слово самой Людмиле Ивановне: "Действительно в наших фондах до 1940-х годов хранилась картотека Черданцева, а потом исчезла. Года два назад я поинтересовалась ее судьбой у бывшего в то время хранителя музея В.А. Бородиной. Вера Александровна рассказала, что на ее глазах картотека была передана бывшим в то время (в годы войны) директором А.А. Пьянковым Шарцу А.К. якобы для работы с ней дома. Картотеку в музей Шарц не вернул. Никаких документов, фиксирующих эту передачу, составлено не было. Другие свидетели этой передачи мне неизвестны."

Так вот, оказывается, кто "прибрал" "картотеку" и не сдал ее ни в музей, ни в Госархив! В 1976 году директор Пермского Госархива И.Г. Горюхов сообщил, что в фонде Н.А. и А.А. Черданцевых (Р-953), поступившем от Шарца, "материалов об Артамонове не имеется..." Вот так и концы в воду, как говорится!

Обнаруженный Зориной "список" примечателен во многом. В этом списке строго в алфавитном порядке от буквы "А" до буквы "И" расставлено 285 имен талантливых инженеров, техников, строителей, изобретателей, историков, литераторов, путешественников и т.п., чья деятельность была связана с Уралом. "Список" важен тем, что в нем указаны полностью имя, отчество и фамилия каждого деятеля, а также количество документов, которыми располагал Черданцев.

Например, первым в список занесен Абельс Герман Федорович - 8 документов, вторым - Абрамов Никрлай Алексеевич - 4 документа и т.д. Под порядковыми номерами 8 и 9 находим Аксаковых - Сергея Тимофеевича и Григория Сергеевича - 25 документов. Да ведь это целое дело! И как знать, что в этом деле, может быть, содержатся такие сведения о жизни и творчестве замечательного русского писателя, которые пока неизвестны литературоведам? Под номером 231 записан тагильский механик Егор Григорьевич Кузнецов, он значится под фамилией - Жепинский. Артамонов значится в списке под порядковым номером 35, однако без имени и отчества. Указан один документ. Эта запись об Артамонове любопытна и номером 35, и отсутствием инициалов изобретателя, которые, очевидно, не были известны Черданцеву. А тот единственный документ, который указан в списке против фамилии Артамонова, хотя и является пока непрочитанным, источником многих сведений об изобретателе и его велосипеде быть не может. По всей вероятности, этот документ представляет собой выписку сообщения В.Д.Белова.

Таким образом "картотеку №35" источником материалов, составляющих биографию Артамонова, считать не следует. Тем более, что профессор А.Г.Козлов в своем биографическом справочнике "Творцы науки и техники на Урале XVII - начало XX века", 1981г. в справке о Кузнецове Е.Г. отрекся от Артамонова следующей записью: "Примечательно, что появились достаточные основания считать его племянника Артамона Елизаровича Кузнецова (р.1778) создателем первого уральского велосипеда (1799-1801), что обычно приписывалось неизвестному "Артамонову". Вот именно приписывалось, да еще и неизвестному!

Так появилась новая версия об изобретателе велосипеда, только теперь уж "уральского", Артамоне Кузнецове. Однако и эта версия остается пока бездоказательной. В заключение хочется привести слова Г.Н.Листа, который еще в 1976 году заметил: "Престиж нашего государства несовместим с мистификациями, да еще порожденными желанием стяжательства известности или гоно-раров... Советский Союз должен или возвеличить Артамонова, или прекратить во всеуслышание мистификацию..." Ученый и ныне отстаивает эту точку зрения на "артамоновский вопрос", тем более что с получением новых материалов, подтверждающих мистификацию, не приходится говорить о каком-либо возвеличении Артамонова.

И. А. Орлов

ТАГИЛЬСКИЕ ГОЛУБЯТНИКИ

В Тагиле любили держать голубей. Много было любителей-голубятников. Разводили голубей не только для забавы, это был своего рода спорт. Некоторые голубятники держали большие стаи. Для голубей делали специальные голубятни, обычно в торцевой части сарая, на залобке, с решетчатым "загоном" и "захлопкой", закрывающей этот загон. К загону со двора и по крыше делали лестницу. Тут же у них на крыше лежало "махало" — шест с тряпкой на конце для отпугивания, по мнению хозяина, рано отпускающейся стаи.

Гоняли голубей обычно рано утром одновременно все голубятники. Стая поднималась очень высоко, что и ценилось. Иногда казалось, что это не голуби, а порхающие бабочки, освещенные ярким утренним солнцем.

Я не был голубятником, но у меня было много увлеченных голубями знакомых. От них я слышал рассказы о голубях, их характерах, свойствах. Среди них из-за голубей бывали ссоры и споры из-за голубей, прилетевших из другой, соседней стаи, "чужих". Чужих выкупали хозяева. Ссорились больше соседи, гонявшие свои стаи "на одном кругу".

По характеру голубей делили на "лютых" — ленивых, плохо летавших в стае, отстающих от стаи и "борзых" — дружных, общественных в стае. "Лютых" старались сбыть, продать за "чужого", "борзых" берегли, хранили. Иногда "борзой" был вожаком стаи.

Голубей они называли по их оперению, окраске или по другим каким голубиным свойствам: Рябок, Сорока, Кисастый (с отросшими твердыми перьями на лапах), Турман, особенно ценившийся. Турман с большой высоты из стаи падал, кувыркаясь какое-то время, и снова догонял свою стаю.

Бывали случаи нападения на голубей ястребов. Спасаясь от него, голубь на большой скорости разбивался насмерть о крышу, не сумев вовремя сдержать скорость. Чтобы отпугнуть ястреба, голубятник пронзительно свистел. Это они умели в совершенстве.

Был у голубятников свой рынок, негласный, где они меняли голубей, торговали, стараясь сбыть "чужего" или "лютого". На свой рынок они собирались в воскресенье перед рассветом. Были здесь и ссоры, и споры, и обманы, сведения счетов и соревнования, чей голубь раньше прилетит в свою голубятню. Место рынка часто менялось, почему, не знаю.

Здесь же торговали мелкими птицами, садками, клетками, садилками. Иногда этот рынок разгоняла милиция.

Со спортивной целью или на спор, об заклад на скорость прилета в свою голубятню, голубей пускали с разных окраин города. Для доставки голубей на рынок на продажу или для соревнований многие голубей носили за пазухой: лень носить садилку, сделанную из решета. Отчего их и называли "голубятник - засрана пазуха".

Вот об этих любителях голубей, голубиногo спорта, которых я знал, и хочу рассказать. Это просто воспоминания без определенного порядка и хронологии.

В раннем моем детстве против нашего дома по Уральской улице жил Клоков Яков Михайлович. Страстный любитель-голубятник. Помню его уже стариком. Его голубиная стая была небольшой, десятка полтора и, видимо, старая, прижившаяся в одной голубятне. В хорошее утро, тихое и солнечное, стая залетала высоко. В ней были два-три турмана. Гонял их Яков Михайлович, как и большинство голубятников, ранним утром. По старости не мог уже любоваться, стоя на крыше, подняв вверх голову: кружилась голова. Он придумал способ: на открылке возле загонки поставил невысокий столик, на который ставил начищенный таз желтой меди с чистой водой и в него, как в зеркало, смотрел на любимцев, пока они не налетаются. Конфликтов с другими голубятниками у него не было. Его уважали.

Очень серьезными голубятниками были братья Крыловы: Дмитрий, Борис, Анатолий Александровичи, работники паровозного депо станции Тагил. Кроме голубей, у них были и другие птицы: снегирь, чечетки, клесты, щеглы и еще какие-то. Все трое были заявными охотниками, рыбаками. Жили на Высоковской улице. Их голубиная стая, наверное, была лучшая в Тагиле. Они выводили каких-то породистых голубей. Голубятня их была в огороде, специально

сделанная для этой цели. Просторная, светлая, утепленная с встроенными полками специально для гнезд и выводков.

Крыловы были организаторами птичьего рынка. Узаконенного, официального. Так как они были рабочими, идя за разрешением организации рынка к полицмейстеру Земляничу, приглашали в компанию заядлого голубятника купца-мучника Коновалова Кузьму Ивановича. Благодаря чему полиция и разрешила открыть птичий рынок в установленном месте и времени.

У Кузьмы Ивановича по Арзамасской улице во дворе дома была также специальная голубятня на одном из сараев. Стая его была из хороших, дорогих голубей. К ней другие голубятники подпускали своих голубей с целью переманить. Не получалось. Скорее к его стае прилетали "чужие". Отдавал их за выкуп. Но как он бегал с махалом по крыше, большого роста и zelo упитанный?

По бывшей, теперь снесенной улице Артема когда-то большим любителем голубей был Патокин, кондуктор узкоколейной Висимской железной дороги. Держал последнее время, по старости, уже не стаю, а несколько голубей самых любимых. Гонять он их уже не мог, а только кормил, любовался ими. Голубятни уже не было, а держал их в бывшем хлеве. Бедно жил, похварывал. И вот однажды какой-то лиходеи их украл. Бедный старик плакал по голубям, как маленький ребенок. Жил после этого Патокин недолго, но ежедневно поминал голубков.

При разговоре о голубях и голубятниках часто вспоминаю о двух азартных голубятниках-спортсменах. Это Тарасов Федор Гордеевич с Волковой улицы, рабочий Выйского завода, и Баранов Тимофей Александрович с улицы Больше-Вогульской, горняк.

У обоих были хорошие, выдержанные стаи, хорошие голубятни. Хозяйство свое голубиное держали образцово. В летнее время часов около пяти утра выпускали свои стаи с расчетом переманить голубей из чужой в свою. Ссор между ними никогда не было, но спор всегда. У кого из них голуби домовитее, борзистее. На этой почве они часто бились об заклад, чтобы доказать свою правоту. Для этого они после работы с голубями за пазухой уходили на окраину: на Патракову или на Лапину гору, на Красный Камень, на Елизарову гору. Бросив там голубей, бежали домой проверить — прилетел или нет. Голуби, как правило, были дома, ждали хозяина у захлопки. Ни, который не выиграл.

Спорили и так: чей голубь, вынырнув из воды, летит прямо к дому. Для этого они раздевались и с голубем в руках ныряли в воду с плотов или в реку Выику у Королева моста или с плота на Выйском пруду около завода. Один нырял, другой наблюдал. А бывало, чтобы наблюдать одновременно, нанимали нырять ребят.

Вот так друзья-голубятники соревновались. Проигравший платил залог безоговорочно. Но это было очень редко. Проигравшего голубя продавали на рынке в первое же воскресенье: не "лютись".

Худояров Александр Григорьевич жил на крутом бугре против Вогульских куениц, вернее над ними. Работал в лесничестве, кажется, в последнее время лесообъездчиком. Страстный голубятник, но ни с кем не соревновался, не подпускал свою стаю к чужой. Стая была небольшая, но отборная, домовитая. Своих голубей он тренировал на дальность. Посылал детей, Григория и Бориса, далеко от дома: на Голый Камень и на Фотеево, к Скорбященскому монастырю. Не раз бывало он просил нас выпустить его голубей от Медведь-Каменя. Мы туда ездили часто. Там у отца был "заездок". Голуби, как правило, прилетали, не терялись.

Александр Григорьевич, кроме голубей, держал и мелких птиц как любитель. Для них он и оборудовал птичник в подсарайной избе. А вот детям его это не привилось.

Другие имели также хорошие стаи, голубятни, но держали голубей для забавы. Выпустят, погоняют, полюбуются и все. Таких было много, из моих знакомых это Голованов Саша из Новой улицы, Суханов Толя с Казанской улицы, в спорте не участвовали. Вот их голуби часто прибивались к чужой стае. А бывало и чужих к себе приводили. Чтобы не было недоразумения, они гоняли позднее. Зная их порядок, голубятники, охочие до "чужих", подпускали в это время своих с корыстной целью. Ничтожные люди.

Голубятник Федя Красилов с Волковой улицы какой-то, бог с ним, "не совсем в порядке" имел голубей немного. Где работал, не знаю. Здоровый детина с бородой-лопатой ярко красного цвета, черемной. Рассказывали, что подолгу сидел на крыше, ждал, когда кто-нибудь выпустит стаю, чтобы подпустить свою. Но днем все были на работе, голуби в загонке. Ждал напрасно.

Рассказывали, такой с ним был случай — Федя был на улице в стороне от своего дома. Увидел кем-то выпущенную стаю, подбежал домой, чтобы подпустить свою. Задрал голову на голубей и не глядя перед собой, бежит домой, не видя лежащей на полянке коровы, перелетел через нее. Поднялся, со зла пнул ее и побежал дальше. Пока бежал к голубятне, стаи уже не было.

Помню еще оригинального голубятника Митю Сальского. Его домишко на два окна был самым последним по улице Забегайке. Работал Митя забойщиком на Ивановском известковом карьере. Где и какая у него была стая? Где была голубятня? Кособокая избышка с покосившимися и незакрывающимися воротами. Ни хлева, ни сарая. Одна баня и та почему-то на боку. Пользовались ею? Как бы то ни было, а Митя о своих голубях любил рассказывать. У каждого голубя была своя кличка, человеческое имя, на которое шел только этот голубь. Хвалился: "Во, Мишка по двору (?) ходит, хвост растопырит, как дурин (индюк), а все остальные на него смотрят, дивятся. А у Степки кисы-то, кисы", — и показывал на руке, какие они, начиная с полладони до локтя.

"Иду воссета у горелой гостиницы, гляжу мой Васька кроет. Я кричу: "Васька!" Он ко мне прямо на грудь.

Поехал одиново к брату в Салку, взял пару: Леньку да Машку-кинуть оттуда. Кинул, они и улетели. Прихожу домой, а у меня чужая стая. Откуда они ее привели, и сейчас не знаю.

Вот ведь как бывает у голубятников настоящих!"

Голубей держали больше подростки, так, для забавы ребячьей. Вскоре они надоедали, улетаели, гибли.

ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО НА ФОТОСНИМКАХ

Материалы новой рубрики, предложенной И. Т. Ковердой, помещенном в третьем номере "Тагильского краеведа" фотографии снесённых тагильских церквей и рассказы об их отделке и убранстве, стали украшением журнала и вызвали интерес читателей.

Нынешняя публикация Ивана Трофимовича посвящена старинным памятникам Тагила. Автором, помимо литературы, указанной в "Тагильском краеведе", №3, лист 52, использован материал "Исторические памятники в Пермской губернии" из "Адрес-Календаря Пермской губернии" за 1915 год.

При установлении судьбы памятников иногда приходилось пользоваться только устными рассказами старожилов, что могло привести к некоторым неточностям. Так, есть расхождения в отношении времени сноса памятника А. Н. Карамзину. Автор примет любую помощь в установлении истины.

Редакция благодарит Ивана Трофимовича Коверду за инициативу в открытии новой рубрики, за подбор интереснейшего материала и блестяще выполненные репродукции, а читателей, особенно владеющих фотокамерой, призывает принять участие в этой рубрике.



ПАМЯТНИК НИКОЛАЮ НИКИТИЧУ ДЕМИДОВУ

Находился около Входа-Иерусалимского собора, напротив главной заводской конторы. Сооружен в 1843 году. Читаем у Доброхотова:

"Памятник имеет аллегорический характер. Из-за чугунной решетки поднимается мраморный четырехугольный пьедестал, на котором находятся две фигуры: коленопреклоненная женщина в короне и древнегреческом костюме; ей протягивает руку Демидов, одетый в придворный кафтан с орденами и лентой. Смысл этой группы толкуется различно: кто в фигуре женщины усматривает Россию и справедливо возмущается той ролью, которая отведена ей забывшимся Демидовым; кто видит какой-то прообраз какого-то возрождения. Простой же народ толкует аллегорию проще: женщина — это жена Демидова, который оставляет ей наследство. За него она благодарит "хозяина" на коленях. Ниже этой центральной группы по углам пьедестала расположены 4 бронзовые группы, тоже состоящие из двух фигур: мужской и женской. Первая представляет сидящую женщину в древнегреческом костюме, возле нее мальчик с книжкой. Это Коля Демидов учится мудрости у богини. Вторая группа изображает ту же женщину, в подол которой юноша высыпает плоды из рога изобилия — это юноша Демидов приносит своей



учительнице-богине плоды своего просвещения.

В третьей группе Демидов представлен уже возмужалым, одетым в военный мундир; здесь он изображается защитником родины, которую олицетворяет женщина с очень опечаленным лицом. Наконец, в четвертой группе Демидов в старости, когда он является покровителем наук, искусств и торговли, представленных тоже в виде женщин. Местное простонародье и эти 4 фигуры объясняет просто: это дети Демидова.

Несмотря на то, что многие мелкие аксессуары мифологических групп сняты и хранятся в музее (медный плужок, снопы, плоды, лопаты, кирки, копья, щиты и пр.), памятник все же имеет большой художественный интерес. Работали его лучшие итальянские мастера".

Здесь попытаемся возразить Доброхотову. По сведениям музея, автором памятника был французский скульптор Бозье. О том, что памятник был привезен из Парижа, говорила и Е. В. Боташева. В энциклопедии Гранат



Похороны Павла Павловича Демидова. 1885г. Катафалк у памятника Н.Н.Демидова перед погребением в Выско-Никольской церкви.

имеются сведения о французском скульпторе Франсуа Жозефе Бовио, который испытывал влияние итальянской скульптуры и особенно Кановы. Так что автором памятника скорее всего является Ф.Бовио (1769-1845).

"Николай Никитич Демидов (1773-1828) служил лейтенантом при князе Потемкине во время второй русско-турецкой войны, тогда он за свой счет построил фрегат в Черном море. В 1807г. пожертвовал дом в пользу Гатчинского сиротского института. В 1812г. подарил Московскому университету богатейшее собрание редкостей и в этом же году построил в Петербурге 4 чугунных моста, пожертвовал 100 тыс.руб. на Дом инвалидов, отдал свой дом для Дома трудолюбия и 100 тыс.руб. как фонд для его существования, пожертвовал 50 тыс. руб. в пользу пострадавших в 1824г. от наводнения в Петербурге, разводил в Крыму виноградники, тутовые и оливковые деревья и проч."

В 1918г. памятник был уничтожен. Решетка, которая ограждала памятник, в 1926г. была использована для изготовления ограды для памятника В.И.Ленину.



ПАМЯТНИК А.Н.КАРАМЗИНУ

Андрей Николаевич Карамзин – сын историографа Н.М.Карамзина. С 1846г. был управляющим Тагильскими заводами. В этом же году он женился на вдове Павла Николаевича Демидова – Авроре Карловне. С управлением Карамзина связан культурный подъем Нижнетагильского поселка. С самого начала своей работы здесь Андрей Николаевич занялся проверкой заводской отчетности и вскрыл ряд злоупотреблений, упорядочил оплату труда служащих, сделал ряд перемещений по службе на пользу дела. Его стараниями в 1853 году была открыта заводская библиотека.

Андрей Николаевич был весьма доступным человеком, часто бывал в семьях рабочих, соглашался быть крестным отцом. "На заводах о нем, – писал Д.Н.Мамин-Сибиряк в 1890г., – сохранилась самая лучшая память как о человеке образованном и крайне гуманном, хотя он и являлся здесь случайным. Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере старожилы вспоминают о нем с благоговением".

С именем А.Н.Карамзина связана так называемая "тагильская находка", сделанная в середине нашего века. Это письма родных Андрею Николаевичу о последних днях А.С.Пушкина.

С благодарностью вспоминали тагильчане и Аврору Карловну. Как никто из владельцев до нее, она умела обращаться с людьми. Она крестила детей рабочих, бывала посаженной матерью на свадьбах. дарила бедным невестам приданое, по ее инициативе были построены богадельня, родильный дом, несколько школ и детский приют, стали выделять пособия при несчастных случаях.

В 1853 году началась Крымская война - война России против коалиции в составе Англии, Франции, Турции и Сардинии. Андрей Николаевич отправился на фронт и был убит в мае 1854 года в сражении с турками в Валахии.

В 1855 году на ул.Салдинской /между заводским госпиталем и Введенской церковью/ на средства, собранные заводскими жителями, был сооружен памятник А.Н.Карамзину по проекту А.Г.Белова. Памятник представлял собой четырехугольную трехметровую чугунную колонну, на западной стороне которой был литой барельеф - бюст А.Н.Карамзина, по углам памятника стояли огромные гранитные ядра. Верх памятника был покрыт шлемом. Под бюстом была надпись: "Андрею Николаевичу Карамзину", были также указаны место и дата его гибели.

В середине 30-х годов при прокладке трамвайного пути по улице Ленина памятник был снесен /по свидетельству И.А.Орлова/. Отдельные части его хранятся в Нижнетагильском краеведческом музее.



Памятник Александру II

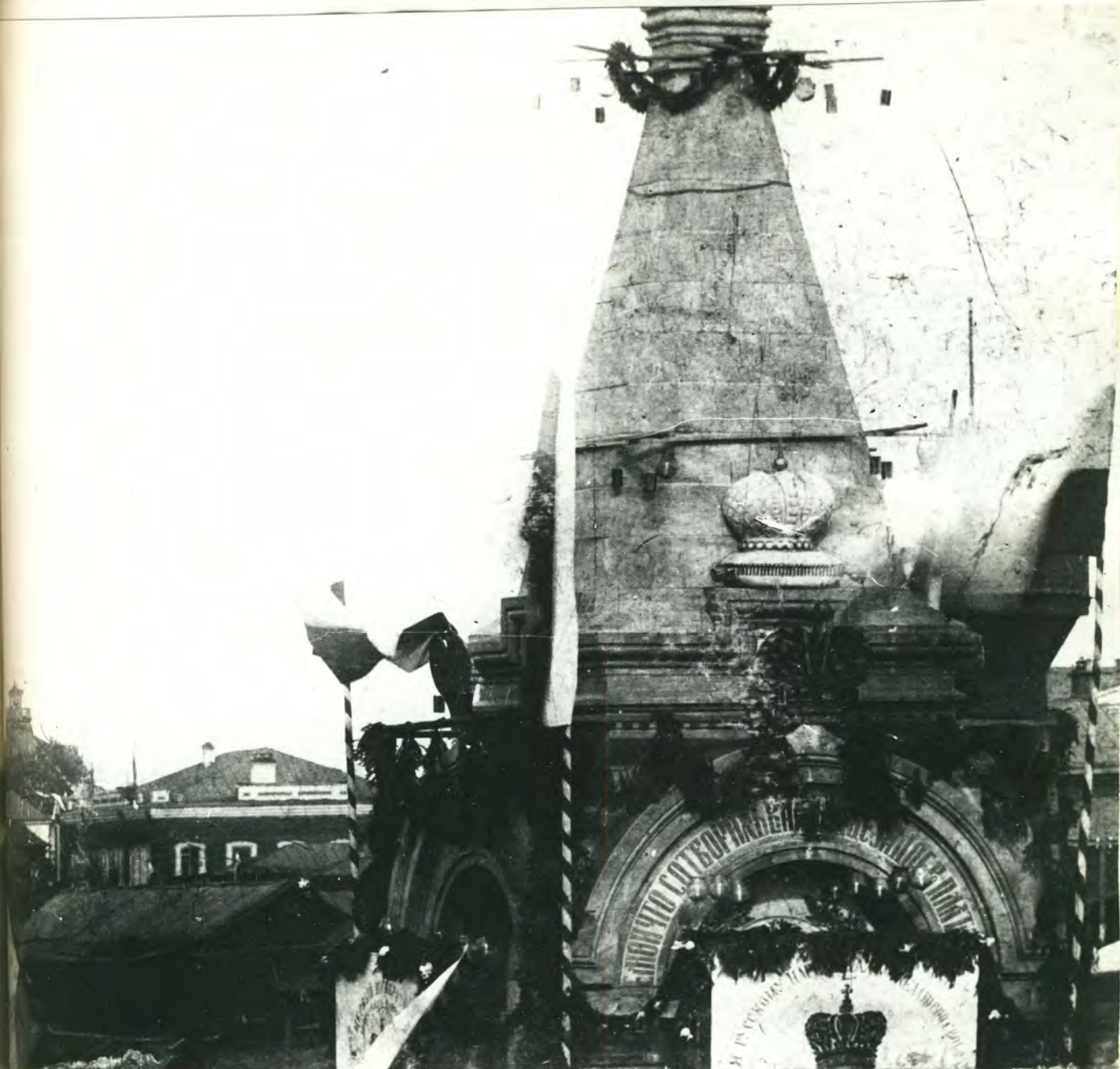
Находился на главной торговой площади, которая простиралась от Балыковского переуллка (ныне ул.Огаркова) до Высоковской ул. (Первомайской) и от Александровской (пр.Ленина) до Шаминой ул. (К.Маркса). Средства на сооружение памятника были предоставлены сельским обществом поселка в память о пребывании Александра (наследника престола) в 1837 году в Нижнем Тагиле. Сопровождал будущего императора его воспитатель поэт В.А.Жуковский.

Закладка памятника состоялась в 1891 году, открытие - в 1895. Памятник имел вид пирамидальной часовни из серого мрамора, увенчанной крестом. На западной стороне памятника изображен портрет-барельеф Александра II в венке, под ним - герб, еще ниже надпись:



Верхний снимок: Закладка памятника. 1891г.

Нижний снимок: Открытие памятника. 1895г.



Фрагмент снимка, сделанного во время празднования и молебна. Памятник украшен лентами, колокольцами, зеленью и хоругвями. На одной из них надпись: "Я русскому народу дал желанную свободу". /фото до 1900 года/

"Императору Александру I". Над портретом полукругом надпись: "Люди мои, что сотворил вам, аще за добро платите злом".

С восточной стороны еще одна надпись из накладного мрамора: "Царь-Освободитель в 1837 году посетил Нижне-Тагильский завод, молился в Входо-Иерусалимской церкви и спустился на 38 сажен глубины в Медноруднянский рудник".

С южной стороны: "Царю-Освободителю: уничтожение крепостного права 1861 г., отмена телесного наказания и откупов 1863 г., Положение о земских учреждениях и новые судебные уставы 1864 г., всеобщая воинская повинность 1874 г., Устав гимназий и прогимназий 1871 г., положение о начальных народных училищах 1864 г."



Торговая площадь. Вид с улицы Высоковской (Первомайской). На заднем плане видны завод, Выходо-Иерусалимский собор. Левее чуть видна Троицкая церковь. В верхнем левом углу снимка - кинотеатр "Иллюзия" (ныне "Искра"). В начале площади, перед торговым домом Мозгунова (ныне гостиница "Северный Урал"), видны памятник Александру П и часовня. Фото 1914 года.

С северной стороны: "Царю-Распространителю. Присоединение Приамурского края 1858г., покорение Кавказских горцев 1863г., завоевание Ташкента 1865г., освобождение Болгарии и сербов и возвращение Бессарабии и Армении 1878г., покорение Туркменов 1881г."

Доколь памятника имел высоту около 5 метров. Памятник был огорожен каменной стеной. К нему вела широкая каменная лестница. Рядом с памятником (к югу) находилась небольшая часовня.



Верхний снимок: Торговая площадь. Конец 19 в.
 Нижний снимок: Митинг 1 мая 1920 года у памятника Свободе. Вид с юго-запада. На месте портрета Александра М — звезда. Над ней по кругу надпись: "Павшим борцам за свободу". Ниже звезды: "Смерть — несчастье не для тех, кто умирает, а для тех, кто остается в живых"

Е.Н.Епанчинцева

ПАМЯТНИК СВОБОДЫ

К истории памятника Александру П, существовавшему с 1918 года уже как памятник Свободе, неоднократно обращались тагильские краеведы: А.Ф.Кожевников, И.А.Соловьев, Э.С.Ильин, а также автор этих строк. ("Тагильский рабочий", 28 августа 1987г. - "История забытого монумента"). Статья была написана на основании ряда вновь выявленных документальных источников, хранящихся в Нижнетагильском филиале Госархива Свердловской области.

Памятник Александру П на главной торговой площади в 1917 году был реконструирован. Основание осталось прежним, а все аксессуары сняты, надписи заменены. Так на их месте появились слова: "Павшим борцам за свободу", а сам памятник стал называться памятником Свободе, такое же название получила и площадь.

На четырехгранном суживающемся кверху основании была установлена статуя женщины, напоминающая известную статую Свободы в Нью-Йорке. Первоначально она была выполнена в гипсе скульптором-самоучкой Николаем Андреевичем Банниковым, который работал машинистом паровоза на станции Н.Тагил. Он с детства любил рисовать и лепить. И в зрелые годы это увлечение его не оставляло.

Командир отряда Красной Гвардии П.И.Бабин предложил Н.А.Банникову создать памятник революции. Так этот памятник приобрел новое революционное содержание.

Осень 1918 года. Волны гражданской войны катились к Тагилу, поэтому формы скульптуры Банников надежно спрятал.

Захватив город, белые арестовали самодеятельного скульптора, но формы не нашли. Семь месяцев, проведенные им в тюрьме, дали о себе знать. (Он умер 20 мая 1920г. в возрасте 42-х лет).

Статуя была разрушена, надписи заштукатурены, восстановлены крест и царская корона.

Под плитами памятника, как указано в воспоминаниях А.Ф.Кожевникова, с восточной стороны были захоронены пять красногвардейцев, среди которых Ян Эрмуш, убитый в Черноисточинске в сентябре 1917 года при разгроме контрреволюционного выступления и первый большевистский председатель Нижнетагильского Совета Д.Н.Добрынин. Остальные 13 красногвардейцев, погибшие в сентяб-

ре 1918 года в боях за Тагил, были захоронены рядом, под часовней.

Московский краевед И.Ф.Соловьев, уроженец наших мест, приехав в 1965 году в Нижний Тагил, пытался разыскать людей, бывших свидетелями тех событий. Ему удалось тогда встретиться со старожилом Николаем Ефремовичем Жерновым, который рассказал, что осенью 1918 года белые заставили несколько человек из местного населения, владельцев лошадей с подводами, прибыть к площади. Привели 20 арестованных, находившихся в каземате, которых заставили спешно выкапывать гробы, открывать их, "словно искали кого-то", а потом ставили на подводы сразу по два и отвозили на кладбище к монастырю на Малой Кушве.

Очевидца потрясла эта картина, он хорошо помнил, что было выкопано 18 гробов, в четырех из которых лежали, по-видимому, комиссары в кожаных куртках.

И.Ф.Соловьеву удалось установить еще одно имя из 18 захороненных — Федор Яковлевич Ильин. Остальные неизвестны.

После 19 июля 1919 года, когда Тагил был освобожден от колчаковцев, Н.А.Банников по уцелевшим формам восстановил скульптуру, только во второй раз она была отлита из баббита. В руке статуи по вечерам зажигалась электрическая лампочка. Вместо барельефа Александра II — Серп и Молот, вместо короны — бюст К.Маркса.

Памятник и сама площадь в Советское время стали излюбленным местом проведения митингов и манифестаций.

После 1931 года памятник Свободе был разрушен, на что указывает историческая справка, составленная и собственноручно подписанная первым советским директором краеведческого музея 10 апреля 1931г. А.Н.Словцовым. (НТФ ГАСО, ф.70-р, оп.2, д.393, л.388).

"...Из склепа, — сообщает А.Н.Словцов, — изъяты тела захороненных товарищей и свезены на кладбище на Малой Кушве... После освобождения Тагила памятник был восстановлен Банниковым в прежнем виде, а тела товарищей Добрынина и Эрмуша возвращены в склеп."

Здесь же А.Н.Словцов указывает, что сведения подтверждают П.И.Бабин (бывший заместитель председателя Нижнетагильского окрисполкома) и Д.А.Крылов (организатор отряда Красной Гвардии на станции Н.Тагил).

Никаких других документальных источников, которые, сфокусировавшись в одной точке, могли бы высветить ~~эти~~ достоверность этого утверждения, сделанного А.Н.Словцовым, пока не найдено. Но как бы то ни было, место это памятное, ведь оно связано с важ-

ными историческими событиями, происходившими в нашем городе.

К сожалению, А.Н.Словцову спасти памятник от разрушения не удалось. Он был признан "не представляющим никакой художественной ценности."

В годы культа личности Сталина на основании высотой один метр, оставшемся от памятника Свободе, была установлена грубая массивная скульптура "вождя", простоявшая до конца 50-х годов.

А.Ф.Кожанников указывал в воспоминаниях, что перед установкой скульптуры Сталина "памятник Свободе был сломан, мрамор закопан в траншеи..."

Где находились эти траншеи, он не упоминал.

Сейчас вместо памятника, пережившего разные периоды истории, не осталось и малейшего следа.

О нем напоминает только небольшая площадка в сквере напротив гостиницы "Северный Урал", покрытая плитами со ступенями в сторону фонтана "Каменный цветок". Ничем не оправданная пустота...

Е.Н.Богданова

НИЖНЕИРГИНСКАЯ ДУБРАВА

(Сообщение, сделанное на заседании клуба 21 февраля 1989г.)

О произрастании дуба на западном склоне Среднего и Южного Урала знал еще В.Н.Татищев. Одним из признаков, положенных им для проведения границы между Европой и Азией по Уральскому хребту, была разница в растительном покрове на западном и восточном его склонах. В своем сочинении "Общее географическое описание всей Сибири" он писал: "На западном склоне Уральских гор около 57° находятся дубы и орешник, а в Сибири оных дерев нет".⁽¹⁾

В "Путешествии по разным местам Российского государства" Паллас отмечал: "Клен, орешник, калина, илем, липа, дуб составляют лес около Уфы, из коих дуб и орешник не переходят за Уральские горы, но обыкновенно растут при подошве оных".⁽²⁾ Теперь мы хорошо знаем, что дуб и многие другие широколиственные породы деревьев за Урал не переходят. В юго-западной части Свердловской области дуб обыкновенный находится на крайнем восточном пределе своего распространения и довольно редок. Известны лишь отдельные дубравы: Нижнеиргинская в Красноуфимском районе и небольшие участки лесов и единичные дубы Березовские и Поташкинские в Артинском, Сергинские в Нижне-Сергинском районах.

Под дубом в Свердловской области около 1000 га.⁽³⁾ Это всего лишь сотая процента общей площади лесов области. Однако значение этой тысячи гектаров велико — ведь они дают ценный семенной материал для выращивания таких же закаленных, приспособленных к суровым условиям деревьев, постепенно продвигают к северу границу расселения дуба.

Отдельные посадки дуба можно встретить в садах бывших богатых усадеб Тагила, Камышлова, Талицы. В Свердловске на бывшей усадьбе богатых золотопромышленников Рязановых в пойме реки Исети в прошлом столетии было посажено 40 дубков 4-5 метровой высоты. К 1927 году они достигли полуметра в



ОДИН ИЗ СОХРАНИВШИХСЯ ДУБОВ ВЕКОВОЙ
НИЖНЕИРГИНСКОЙ ДУБРАВЫ

ФОТО В.Н.БОГДАНОВА

диаметре и 16-метровой высоты. До нашего времени дубы не сохранились. В Свердловске же профессор Ю.М. Колосов на своей усадьбе по улице Мамина-Сибиряка посадил два молодых дуба. С 1922 года они уже стали давать желуди. В 30-х годах в Свердловске дубы начали выращивать в питомниках, в городских садах, на вырубках и пустырях. По Сибирскому тракту в Шарташском лесничестве поднялась целая дубовая роща. В Сысерти, в переулке Садовом, охраняется могучий дуб 1860 года рождения. Дуб этот до сих пор хорошо плодоносит, хотя и растет далеко от границ своего сплошного ареала.

Единственный в области крупный массив естественных дубовых лесов, Нижнеиргинская дубрава, расположен в 6 км северо-восточнее села Нижняя Ирга на северо-западе Красноуфимского района. Восточнее этого массива еще встречаются небольшие участки дубовых лесов и единичные дубы.

Поселок Нижняя Ирга, деревянный и одноэтажный, расположен в живописной долине реки Иргины. Стиснутый со всех сторон невысокими увалами, он вытянулся вдоль реки, которая, огибая Ковлиную горку, делает крутой поворот и убегает на север. Иргинск возник в 1730 году в 45 верстах от будущего Красноуфимска, когда "компанейщики" калужанин Иван Кадмин и москвитяне Федор Евдокимов и Авдей Рязенцев заложили железоделательный завод. Позже завод был куплен купцами Гаврилом и Петром Осокиными. Для его расширения срочно потребовались дополнительные рабочие руки. Людей завозили из Казанской, Московской, Санкт-Петербургской, Нижегородской и Сибирской губерний. Глава семьи стоил 30 рублей, жена - 5, за работного сына давали 10 рублей, дочери шли в придачу. ⁽⁴⁾

Издавна Нижняя Ирга была известна как село кожевников и сапожников. Одна из окрестных горок до сих пор называется Кожевенной в память о промысле, использовавшем для выделки кож дубовый луб. Исстари дубрава служила хозяйственным нуждам нижеиргинцев. Давала древесину для завода и заводской плотины, многих ремесел, кора молодых дубов использовалась для дубления кож. В дубраве пасли скот, косили сено, собирали желуди на корм домашним животным, а в тяжелые голодные годы паренные в русской печи и истертые желуди добавляли в муку при выпечке хлеба, а иногда и заменяли его.

В Нижней Ирге мы остановились у местной жительницы Ду-расовой Лидии Федоровны. Утром, несмотря на туман и мелкий упорный дождь, собрались идти в дубраву. Отвечая на наши рас-спросы о том, как ее найти, Дурасова сказала: "Внимаетесь на горку, пойдете все прямо и увидите дубы". Последовав этому совету, от реки поднялись в гору по крутому склону и оказались на ровном плато, сложенном осадочными породами. Осматривая ва-луны и камни вдоль дороги, собрали небольшую коллекцию окаме-нелостей, которую составили ракушки плескавшегося здесь некогда мелкого теплого моря. Дорога вела нас по равнине, когда-то тут был лес, но деятельность человека оттеснила его. Образовавшуюся пустошь заняли низкорослые кусты можжевельника. Лес встре-тил нас высокими елями, нижние лапы которых касались земли, и высокими стройными соснами, отмеченными стрелами сборщиков жи-вицы.

Первый дуб, вернее дубок, увидели совсем неожиданно — на обочине. А через полкилометра подошли к вековому, но безжиз-ненному дубу. Около него на земле лежал давно упавший столб с табличкой: "Нижеиргинская дубрава. Памятник природы." Так печально встретила нас дубрава.

В книге А.Н.Архиповой "Заповедные места Свердловской области" есть такая информация: "Нижеиргинская дубрава име-ет общую площадь около 1200 га. Лесной массив расположен на невысоком увале — водоразделе рек Иргины и Ирени, имеет вид неширокой полосы, вытянутой более чем на 4 км с юга на север. Леса с преобладанием дуба составляют треть территории. С 1960 года дубрава объявлена памятником природы. Ее изучением занимается Институт экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР." (5)

Казалось бы, спокойная информация, но то, что мы увидели дальше, шло вразрез всему выше сказанному: дубрава погибла. Вековые и молодые дубы стояли безжизненными мертвецами. Как мы узнали позже, произошло это двадцать лет назад суровой зи-мой 1969 года. Дальше мы шли по безжизненному лесу. Многие деревья упали, и их стволы гнили на земле. Иногда встречали дубы, сохранившие жизнь в нескольких верхних ветвях. Но и эти деревья обречены: ветви не смогут долго поддерживать сущест-вование тронутого тлением дерева.



ПОГИБШИЕ ДУБЫ

ФОТО В.Н.БОГДАНОВА

Дубрава возникла на месте первобытных широколиственных лесов. Густой и высокий полог ели, пихты способствовал существованию дуба в суровых условиях северо-восточной границы его распространения. Дуб выполнял роль подлеска. В теплые периоды вековых колебаний климата он выходил в первый ярус, а при похолоданиях сохранялся лишь в нижнем ярусе лесов. Видимо, сейчас как раз период похолодания и дубы существуют в неблагоприятном температурном радиусе. Стволы их покрыты морозобойными трещинами, кроны редкие и суховерхие. Высота дубов едва достигает 15–17 м, а толщина ствола 20–30 см. Средний возраст современных дубов 80–90 лет. Даже в основных районах произрастания дуб растет очень медленно. У него очень короткий срок вегетации – 10–20 дней в году. На Урале этот срок еще короче. Если под Москвой дуб зацветает 24 мая, то у нас цветет в начале июня и часто попадает под заморозки. Следовательно, опять же очень короток срок для вызревания желудей. И если учесть, что такие же нелегкие условия и у желудя при прорастании, то становится ясно, какую нелегкую борьбу за существование всегда вела и ведет дубрава.

На обратном пути нам встретился островок молодых дубов, затерявшихся среди елового леса. Все дубки невысокие – до двух метров, напоминают небольшие кустики, образующие сросшиеся заросли, почти прижатые к земле. Растут они медленно. Если защищают их от вымерзания зимой и заморозков весной и осенью. Нижние ветки дубков стелются по земле: таким образом они приспособляются к суровым уральским природным условиям. Возможно, с наступлением следующего благоприятного периода им удастся взять свое, и тогда дубки выйдут в первый ярус леса и дадут продолжение Нижнеиргинской дубраве.

Конечно же, в том, что дубрава оказалась в таком плачевном состоянии, повинен и человек. Дорога в дубраву больше напоминает просеку, прямую и широкую, без единого поворота. По этой дороге вот уже два с половиной века человек ходил в дубраву, вырубал для своих многочисленных нужд сильные деревья и молодняк, собирал желуди, не думая о дубраве, ее будущем. И настолько подорвал жизненные силы дубравы, существовавшей веками, что когда погибли дубы, способные давать желуди, дубрава оказалась на грани исчезновения, не смогла больше восстанавливать себя сама, не смогла противодействовать тем суровым усло-



ДУБОК МОЛОДОГО МАССИВА
НИЖНЕИРТЫШСКОЙ ДУБРАВЫ

Фото В.Н.Богданова

виям, к которым веками приспосабливалась.

Но все же будем надеяться на то, что теперь, когда Нижнеиргинская дубрава объявлена памятником природы, влияние человека, губительное ранее, будет исключено и дубрава постепенно восстановит себя сама и займет прежде принадлежащие ей лесные пространства.

х

х

х

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К СТАТЬЕ "НИЖНЕИРГИНСКАЯ ДУБРАВА":

- 1) Татищев В.Н. "Описание всея Сибири"
Москва, Наука, 1956, с.24.
- 2) Паллас П.С. "Путешествие по разным местам Российского Государства", часть 2, книга 1. Санкт-Петербург, 1786, с.17.
- 3) "Уральский следопыт" 1968, №5, с.28.
- 4) "Красноуфимск"
Свердловск, Средне-Уральское кн.изд-во, 1986, с.15.
- 5) Архипова Н.П. "Заповедные места Свердловской области"
Свердловск, Средне-Уральское кн.изд-во, 1984, с.82.

ПРЕДСТАВИМ НОВОГО АВТОРА



ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СЕРОВ

Живет в посёлке Саратель пенсионер Павел Васильевич Серов, много повидавший и переживший на своем веку. Он родился 11 августа 1913 года в селе Горбуново, и время его детства пришлось на годы гражданской войны и послевоенной разрухи. На его глазах менялась жизнь. Его отец, Василий Игнатьевич Серов, был лесником и куряным мастером. Он хотел, чтобы дети его учились, а в Горбуново была только трехклассная школа, и его сын Павел и дочери ходили ежедневно за 6 километров в школу имени Крупской, где Павел в 1930 году закончил 8 классов. В каникулы он работал на лесоустройстве, а лето 30-го года - в колхозе, колхозницей была и его мать.

После школы /1930-33гг/ был Алапаевский геолого-разведочный техникум. Стажируясь по разведке железняков, Павел Серов работал в районе будущего Магнитогорска, на горе Вы-

сокой и на разведке в районе горы Качканар.

Всю жизнь после окончания техникума и до выхода на пенсию /т.е. с 1933 по 1968 год/ Павел Васильевич работал на разведке и добыче золота, платины и алмазов. Был горным мастером, начальником разведок в тресте Дальстрой/1933-35 гг./, в 1938-41 годах геологом Кировского прииска треста Уралзолото, в 1945-68 годах в том же тресте и в Уральском геологическом управлении начальником отряда, старшим геологом разведочной партии и экспедиции. С 1938 по 1960 год жил в посёлке Уралец.

Серова

Дважды работа геолога прерывалась. Первый раз в 1935-38 годах службой на Дальнем Востоке в пограничном отряде, где Серов был командиром отделения, потом командиром конно-пулемётного взвода. Второй перерыв длился с 1 августа 1941 года по декабрь 1945. П.В. Серов воевал на Северо-западном и Третьем Прибалтийском /землянская группа войск/ фронтах: командир взвода, роты, офицер штабов полка, дивизии. Участвовал во взятии Кенигсберга. Капитан Серов вспоминает:

Слышал смертные крики
И друзей, и врагов.
Видел смерть я волею
И был к смерти готов.

Военные подвиги и трудовые заслуги П.В. Серова отмечены рядом правительственных наград: два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, медали "за взятие Кенигсберга", "за трудовое отличие" и другие.

Память Павла Васильевича хранит множество событий и лиц. Вспоминая и вновь осмысливая пережитое, он делает заметки "для души и внутреннего употребления /авось внуки и правнуки заинтересуются житьём-бытьём своих прадедов!".

Заметки о детстве и горьком быте того времени согреты добрым юмором автора. Наблюдательность, интерес к людям, любовь к природе свойственны воспоминаниям Серова - геоло-

га, а передаче военных эпизодов - бесстрашная правда.

Миниатюры, названные автором "Штрихи прошлого", будут, по мнению редакции, не без интереса и удовольствия восприняты читателями нашего журнала.

Некоторые воспоминания Павла Васильевича Серова о военных годах публиковала районная газета г. Невьянска "Звезда".

Т. М. Сырова.

Фото Б. А. Шилова

П. В. Серов

Ш Т Р И Х И П Р О Ш Л О Г О

В о й н а

Годы детства моего поколения были щедры на невзгоды и скупы на радости. Да и радости были суровые. Вот в памяти и остались многие острые, незабываемые случаи.

Об одном из них, когда мне было пять лет, и хочется рассказать.

Шестеро нас было тогда в семье. Старшая сестра Тая, сестра Лиза и Клава, трехлетний Вася и грудной Саша.

Все сестры и братишки сидели в погребе, прижавшись к маме, как испуганные цыплята к клушке, и прислушиваясь к каждому звуку сверху. Каждый раз, когда вздрагивает земля и долетит хлопок разрыва снаряда, Тая объясняет нам, малышам:

— Это, наверно, рядом у дяди Яши в огороде. Или:

— Это, пожалуй, на наших больших грядках.

Мама поощряет наш гадательный разговор, чтобы отвлечь от страха.

Отец и дедушка Никанор в погреб не спускались — дежурили наверху. Часто кто-либо из нас, ребятшек, кричал:

— Тятинька! Иди к нам! А то снарядик в тебя попадет.

Тогда мама объясняла:

— Нельзя ему. Снарядик упадет в сарай, нас засыплет.

Кто будет отрывать нас? Одному дедушке Никанору не справиться.

На другой день рано утром вся семья ушла из Горбуново. Дома остался один дедушка Никанор.

Несколько суток скитались по покосным избушкам. Питались в основном дарами природы (ягоды, грибы). Иногда мама с отцом ходили подоить корову, оставшуюся в Горбуново. Потом перебрались через реку Тагил и попали в Шайтанку.

От исключительной скученности и сырости в покосных избушках, невероятной антисанитарии, в обстановке нервозности и недоедания разразилась эпидемия сыпного тифа.

Вся наша семья металась в жару, болезнь пощадилась только папашу, меня и сестру Клаву.

В это время на окраине Шайтанки завязались бои. В панике толпы местных жителей и беженцев двинулись к деревне Грань.

Засобирался и отец. Одел меня первым, Клава оделась сама. Вышли под окна и отец попросил знакомых из горбуновских кержаков, проезжающих мимо, присмотреть за нами, пока он соберет остальных и догонит их.

Примерно на полдороге между Шайтанкой и Гранью обоз обогнал скачущий галопом всадник с развевающимся красным флагом. Не останавливаясь, он кричал на ходу:

— Братцы! Мы победили! Возвращайтесь по своим гнездам!

Произошло замешательство. Некоторые немедленно повернули обратно, другие свернули на обочину и советовались, куда лучше податься.

Небольшая часть конных и пеших продолжала двигаться вперед.

В многолюдной встревоженной толпе, полной забот, растерянности от неопределенности и необычности происходящего, трудно не затеряться даже взрослому человеку.

Мы с сестрой, как нам казалось, все время шли за повозкой знакомых горбуновских кержаков. Но оказалось совсем не так. Шли за незнакомыми людьми, не знавшими ни нас, ни даже наших родителей. В этой сутолоке людей и лошадей мы были на правах беспризорных в течение двух суток. А нашли нас случайно. Абсолютно голодные, охрипшие от рева и спанья на сырой земле, пригретые солнышком, мы похрапывали, прижавшись друг к другу. Екатерина Кузьминична Федюнина, наша тетя, придя в деревне Грань к ручью за водой, увидела нас и привела к родителям, без стеснения зарыдавшим от радости.

Через десять-двенадцать дней странствования по покосным избушкам и баням Шайтанки и Грани семья возвращалась домой в Горбуново. Возвращались усталые, обессиленные, с тайной надеждой, что дома все в порядке и в то же время обеспокоенные:

— Как там?

Уже начало темнеть, когда подошли к южной окраине Горбуново. Не осмелясь идти домой в потемках, заночевали в доме Ивана Сусуевича Толстова. Рано утром побрели по улице к своему дому.

Отец с громадным узлом за плечами ведет меня за руку. Мама с изрядной ношей на спине одной рукой придерживает грудного Сашеньку, а другой ведет Васю. Сестры с посильными ношами за плечами и в руках.

Пустынно и тихо. Кое-где небольшие воронки от снарядов, окопы и груды винтовочных гильз. Часто разбитые стекла окон, несколько сгоревших домов.

А вот виднеется и наш родительский дом с искореженными воротами. А у ворот дедушка Никанор. Прижав ладони к глазам, он, оглядывая улицу, увидел и нас, еще не узнавая. Рядом с дедушкой наша корова. Мама радостно закричала:

— Марусенька! Наша кормилица! Целехонька, родимая!

Заслышав знакомый голос хозяйки, корова громко замычала и, издавая трубные звуки, ускоренным шагом пошла нам навстречу.

За ней с клюшкой, неуверенно, боясь упасть, в валенках, все еще держа ладонь над глазами, потихоньку движется дедушка Никанор...

... Это было в 1918 году.

Г д е ж е с м ы с л ?

В Горбуновской школе (1924–1925 гг.) было три класса. Окончив ее, ребяташки ходили в школы Нижнего Тагила за шесть километров от села.

Желающих отдать своих детей учиться в город было мало. Из Горбуново в четвертый класс ходили двое (я и Мо^йсеева А.). В другие, более старшие классы, ходили еще трое (моя сестра Клавдия, Моисеева Агния и Лобарева К.).

Как-то раз мы с отцом шли по селу и встретили отца моего соученика, третьеклассника Коли Шалунова. Между родителями произошел следующий диалог:

— Что ты своего Кольку-то не отпустил учиться в город?

— Пока они учатся, Никанорович, мы той порой к коммунизму придем. Все будем жить одинаково. Сейчас мой-то на метелках тридцать, а то и все сорок копеек в день зарабатывает. А твой-то у тебя на шее. Где же тут смысл-то, Никанорович?

Д е р е в е н с к и е д и п л о м а т ы

До коллективизации наша семья (9 человек) имела что-то около двух десятин пашни. Сеяли рожь, овес. Как-то в середине двадцатых годов у нас оказался недостаток овса на семена. Отец пошел попросить овса взаимы у справного малодетного крестьянина Новожилова Василия Моисеевича.

Выпросившись пойти с отцом, я оказался свидетелем их разговора и потом часто в детстве копировал его под хохот дедушки.

— Дорогой Василий Моисеевич! В ножки кланяюсь! Выручи, пожалуйста! Дай взаимы меры три овса. Не оберегли семена-то. Семья, известно.

— С удовольствием бы, Василий Никанорович, тебе удружил! С удовольствием! Но овес-то больно хороший.

— За каждую меру осенью отдам полторы отборного.

— Еще раз говорю. С большим бы удовольствием! Но не могу.

— Не верите что-ли мне, дорогой Василий Моисеевич?

— Да что ты, дорогой Василий Никанорович! Верю. Очень даже тебе верю. Но вот обстоятельствам твоим не верю. Так что с большим бы удовольствием, дорогой.

Т о р г о в к и

Горбуновские ребяташки часто занимались сбором и продажей на рынке города лесных ягод, покупая на вырученные деньги школьные принадлежности или немудрые обнови двадцатых годов.

Как-то сестра Клава с Ниной (Клавдия Васильевна Первалова и Нина Григорьевна Цапля, проживающие сейчас в Нижнем Тагиле и обе прабабушки) пришли с рынка довольные быстрой продажей ягод и хвастаются:

— Мы идем по рынку и кричим: Просим по 60 копеек, отдадим по 45. Ягоды свежие, душистые, вкусные.

К нам подошли две старушки и сразу купили обе корзинки. Даже нисколько не торговались.

Завариха

Учительствуя в Горбуновской школе в начале двадцатых годов, старшая сестра Таисья (теперь Т.В. Чайко) получала раз в неделю паек овсяной и ржаной муки.

Сколько по весу, не знаю, но хорошо помню: хватало пайка на одну завариху всей нашей семье.

К приходу Таи мы, ребята (братья и сестры ее), дежурили под окном, а ведерный самовар дышал паром.

Пришедшая с заветным узелком сестра и мама священнодействуют у самовара, а мы провожаем глазами все их движения, предчувствуя ни с чем несравнимое наслаждение.

Наконец, мама подает знак, и мы мгновенно усаживаемся за стол. Каждому отдельная порция заварихи в блюдечке или в чашке.

Какой же эта завариха была вкусной!

Общезвестно, что все познается в сравнении. А сравнивать мы могли с супом из крапивы да с просяными лепешками наполовину с липовым листом или молодой липой, натертой мелким напильником.

Сравнение всех тогдашних яств было в пользу заварихи. Без масла, часто совсем несоленая, по теперешнему понятию, обычный клейстер. И все-таки самая добротная, вкусная еда того времени. Жаль, что есть ее приходилось только раз в неделю.

Прозвища

Коренное население поселков близ Нижнего Тагила имело привычку, отчасти сохранившуюся сейчас, давать прозвища. Этому содействовало то, что в каждом поселении преобладали одна-две фамилии и нередко у нескольких людей были одинаковые имя, фамилия и отчество. И сейчас в Фотеево живут в

большинстве Гаевы, в Анатольской — Заматаевы, в Горбуново — Серовы и Федюнины, в Бобровке — Чайко и Неруш.

Вот несколько образцов этого народного творчества.

... В Бобровке по делам службы мне понадобился лесник. На вопрос, где он живет, мне ответили так:

— Вы, видимо, знаете, где живет Миша-Яша? Вот наискось от них, в новом доме — Сашка Калина. Рядом с ним — Саперик, а напротив дом Дуньки Кривопупой. В нем и живет Культяпа, этот самый лесник.

... Мы обедали, когда пришла сестра Клава. Она с сыновьями перебралась в пристрой нашего дома. И пожаловалась:

— Печка дымит у нас, надо печника позвать.

— Вот только что Кадило прошел мимо нас, — ответила мама. — У нас он один печник.

Через несколько минут печник, попыхивая неизменной трубкой, вновь проходит мимо. Я говорю об этом Клаве.

— Товарищ Кадило! — кричит она, отворив окно.

Печник ответил что-то такое, отчего сестра явно смутилась. Она не знала, что его в глаза называли "товарищ мастер", а за глаза — Кадило. И так к этому привыкли, что едва ли кто знал настоящие имя и фамилию мастера, тем более он был из приезжих.

... Мы ехали верхами с одним старателем из Висима. Дорога длинная, а разговоры еще длиннее. Узнав, что я родом из Горбуново, старатель сказал:

— Вон оно что! А у меня зять горбуновский — Иван Александрович Иванов. Они живут тут сразу с прихода, в поперечной улице.

Я мысленно перебрал всех живущих в поперечной улице, но И.А.Иванова не вспомнил.

— Что-то никак не вспомню, хотя и жил тут же и всех людей знаю наперечет, — ответил ему. И начал вслух перечислять всех жителей этой улицы:

— На углу — Егор Васильевич Федюнин, всех его сыновей знаю, дальше Матины Костя и Михаил, с ними рядом Ванька-Лапоть.

— Вот, вот! Выходит он самый. Раньше-то они плели лапти всей семьей.

Мне было неудобно и в то же время смешно. Не останови он меня, я бы жителей всей улицы ему перечислил. Тут

были Тунана с Тунанахой, Коля Стропатунчик, Колька-Скородка и еще ряд иронических и смешных, но в целом довольно метких прозвищ.

И пусть потомки этих по своему интересных людей не посчитают оскорблением эти воспоминания. Ведь что было, то было. И как говорят, "из песни слова не выкинешь".

В подтверждение "объективной необходимости" прозвищ говорят и такие факты:

— Серов Василий — это имя носили мой отец, мой родной брат, мой сродный брат.

— Серов Александр — так звали моего родного брата, моего родного дядю и моего среднего брата.

— Федюниных Александров Ивановичей было двое, а Федюниных Александров — много.

Тоже самое в части женских имен. Правда, часто различали одинаковые имена приставкой "старший", "младший", "большой", "маленький".

Т а т о р — м а т о р

В тридцатые годы я приехал в Бобровку (село Елизаветинское) к сестре Таисье Васильевне Чайко. Ее сыновья Гриша (сейчас челябинский краевед и шестикратный дедушка) и Гена, перебивая друг друга, делились своими новостями и открытиями.

Гена часто повторял:

— Пойдем, дядя Паша, я тебе татор-матор покажу.

Сразу не сообразив, о чем речь, но и не показывая вида, я пошел с ним смотреть его "новость".

— Вон, вон лежит татор-матор, — указывает Гена на небольшой трансформатор. — Его на столбы поднимут, и тогда у всех будет, как молния (имелась ввиду лампа-молния), даже светлее.

Как быстро забывается, что не так давно керосиновые лампы были часто роскошью, а березовая лучина повседневностью.

Удалась брага!

С 1930 года в родительском доме в Горбуново я бывал только как гость - в каникулы, в отпуске. И вот в одно раннее утро 1939 года меня разбудили знакомые и родные с детства звуки: рожок пастуха, резкие звуки хлыста, мычание коров, шум проходящего стада.

Потом пришла соседка тетя Фрося (Ефросинья Дмитриевна Федюнина), мамина подруга, овдовевшая в молодости. И, видимо, поэтому она всегда страдовала "помощью". Она начала рассказывать моей маме, как удачно прошла "помощь."

- Косили честь-честью, без "огрехов". Весь покос подкосили. Слава богу! Ну и мужики-то довольны угощением остались.

Ведь брага-то уж больно, Ефросиньюшка, удалась! Все облевались! Правс! Как есть все, мужики-то!

х

х

х

Х Р О Н И К А
КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА
3 Март, апрель, май 1989 года/

заседания клуба, экскурсии.

21 марта члены краеведческого клуба посетили мастерскую заслуженного художника РСФСР Л.И. Перевалова, познакомились с его графическими и живописными работами. Особый интерес вызвали картины "Родословная", "Сирень нашей юности" и рассказ Льва Ивановича о работе над ними.

12 апреля оживлённо прошла экскурсия в музей НТМК. Содержательная экспозиция, эмоциональный рассказ заведующей музея дополнялись краткими воспоминаниями бывших работников комбината, членов клуба: Л.И. Зверева, В.А. Шилова, С.Я. Черных.

25 апреля в гостях у краеведов были студенты 1 курса истфака пединститута Лима Кириллов и Юра Чепель, члены клуба молодых историков. Они познакомили присутствующих с собранными ими материалами о репрессиях в Нижнем Тагиле 30-х годов.

Т.К. Гуськова, преподаватель пединститута, рассказала о начале работы тагильского отделения Общества "Мемориал" и о краеведческой конференции в Пензе.

23 мая старший научный сотрудник музея-заповедника Г.М. Котина познакомила членов клуба с охраняемыми и лекарственными растениями окрестностей Нижнего Тагила. Лекция иллюстрировалась цветными фотографиями и гербарными листами.

С.Я. Черных рассказал о расшифровке им криптонимов авторов уральских журналов 20-х годов.

х х х

Краеведческому клубу исполнилось три года. 24 апреля 1986 года состоялось первое организационное занятие, а 13 мая прошло ~~перв~~ заседание клуба, на котором выступили с сообщениями И.А. Орлов, С.Я. Черных, Э.Н. Овечкина.

Опубликовано членами клуба.

"Тагильский рабочий":

2 марта, "Бандероль из Челябинска", Р.Культикова;

4 апреля, "С любовью к городу", И.Кочетова;

19 апреля, "Из семейства неугомонных", Е.Шишкина;

22 апреля, "Наводнение", С.Хлопотов

"Тагильский металлург"

18 мая опубликовал заметку Р.Т.Культиковой об экскурсии краеведческого клуба в музей НТМК.



заседание краеведческого клуба 14 февраля 1989 года.

Фото И.Коверды.

Журнал краеведческого клуба

"ТАГИЛЬСКИЙ КРАЕВЕД"

№4 /апрель - июнь 1989 года/

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Листы

1.Э.С.Ильин.ПАМЯТИ ТИМОФЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КИНА.

8.Коротко об авторе.ЭДУАРД СЕРГЕЕВИЧ ИЛЬИН.

9.М.В.Огнетова.ПЕРВЫЕ ШАГИ РАДИОВЕЩЕНИЯ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ.✓

12.С.Я.Черных.ПАМЯТНАЯ ФОТОГРАФИЯ.

✓14.С.В.Ганьжа.ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИСТИФИКАЦИИ ИЛИ КАК СОЗДАЛ

ВАЛАСЬ ЛЕГЕНДА ОБ АРТОМОНОВЕ.
Воспоминания .

27.И.А.Орлов.ТАГИЛЬСКИЕ ГОЛУБЯТНИКИ.

Осталось только на фотоснимках.

32.От редакции.

33.И.Т.Коверда.ПАМЯТНИК Н.Н.ДЕМИДОВУ.

35. ПАМЯТНИК А.Н.КАРАМЗИНУ.

38. ПАМЯТНИК АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ.

43.Е.Н.Епанчинцева.ПАМЯТНИК СВОБОДЕ.

46.Е.Н. Богланова.НИЖНЕИРГИНСКАЯ ДУБРАВА.

Представляем нового автора.

54.Т.М.Сырова.ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СЕРОВ.

57.П.В.Серов.ШТРИХИ ПРОШЛОГО.

Война.

59. Где же смысл?

60. Деревенские дипломаты.Торговки.

61. Завариха.Прозвища.

63. Татар-матор.

64. Удалась брага.

65.Хроника краеведческого клуба /март,апрель,май/.

Редколлегия: Е.Н.Епанчинцева /художественное оформление/.

М.П.Рыжова.

Т.М.Сырова /редактор/.

Б.А.Шилов

Тираж 5 экземпляров.Г.НИЖНИЙ ТАГИЛ.

